

Алимардан бек Топчибашев

Серия «Издания Каспия»

Составитель, автор предисловия и примечаний:

Виляят Гулиев

Руководитель и редактор серии «Издания «Каспия»:

Сона Велиева

Алимардан бек Топчибашев. **Избранное из «Каспия»**.
Баку, «Zərdabi LTD» MMC, 2018, 120 с.

ИЗБРАННОЕ ИЗ «КАСПИЯ»

Алимардан бек Топчибашев, будучи редактором «Каспия», одновременно являлся одним из активных авторов этого издания. В 1898-1906 гг. на страницах редактируемой им газеты были опубликованы около 150 его статей. В них освещались не только животрепещущие вопросы, связанные с Баку и Азербайджаном. Автор умело затрагивал также проблемы Кавказа, Российской империи, мусульманского мира. Наряду с этим, русскоязычный «Каспий» прежде всего, был словом и голосом азербайджанского народа, лишённого национальной прессы, его главной трибуной. Не зря издание Алимардан бека приобрело известность среди официальных и общественных кругов, читателей, друзей и недругов как «мусульманский Каспий». В книге, посвященной 100 летию образования Первой Азербайджанской Республики (1918-1920), собраны именно те статьи и публикации А.М.Топчибашева, в оригинале и в переводе на азербайджанский язык, которые помогали народу видеть главные преграды на пути своего политического, экономического и культурного развития, научиться одолевать их, быть сильным, смелым и мудрым. Книга рассчитана на историков, филологов, журналистов, на широкий круг читателей

ISBN 978 9952 476 39 2

Баку–2018

© Издания «Каспия», 2018

© «Zərdabi LTD» MMC, 2018

ГАЗЕТА, ОТКРЫВШАЯ ДОРОГУ К РЕСПУБЛИКЕ

С первого взгляда название может показаться неуместным и преувеличенным — какова могла быть связь, близость между национальным государством – Азербайджанской Республикой и русскоязычным «Каспием»? Каким образом «Каспий», со дня основания защитник интересов местной буржуазии и рупор царской администрации в Баку мог открыть путь к национальной государственности азербайджанского народа?

Однако, в этом есть определенная доля истины.

Борьба за сохранение национальной идентичности и исторического облика коренного народа – азербайджанцев, а также пропаганда, хоть и косвенным образом, чувства хозяина родной земли и права на Родину, вопросы просвещения и культуры «мусульман» (под этим словом всегда подразумевались соотечественники), образования женщин и благотворительности были наиболее часто встречающимися темами на страницах «Каспия». Призыв к модернизации и развитию, участию в общественной жизни и политической борьбе, заявление миру о себе именно как об азербайджанских тюрках, которых всё еще продолжали называть просто «мусульманами» или «кавказскими татарами» — все эти темы отчетливо прослеживались в деятельности газеты с начала двадцатого века, а в некоторых случаях составляли даже ведущие линии. Тот факт, что ряд азербайджанских авторов-соратников А.М. Топчибашева

всецело поддержал идею национальной государственности в 1918 году, мало того, участвовал в формировании Республики, также свидетельствовал о позитивной роли газеты в истории нации и национальных ценностей.

В историческом эссе «Маяк Азербайджана», написанном в 1925 году в Париже и посвященном основателю азербайджанской национальной прессы, тестю и учителю Гасан бек Зардаби, А.М. Топчибашев говорил о большом вкладе газеты «Каспий» в общественное развитие Баку и Южного Кавказа, и об ее роли, как публичной трибуны для представителей региона: «В вопросах о сближении народов, о совместном отстаивании общих интересов и о подготовке к реформам – земской, крестьянской, податной, городской, судебной, народного просвещения. «Каспий» сыграл большую роль верного и правдивого выразителя общественного мнения».

Более активно вышедший на общественную арену под влиянием революции 1905 года и опиравшийся на традиции газеты «Экинчи», «Каспий» взял на себя миссию направления внимания общества на ряд актуальных национально-нравственных проблем в период отсутствия азербайджаноязычной прессы и успешно с ней справлялся. Публикация материалов «своих» авторов на русском языке показывала не слабость газеты, а, скорее, была ее преимуществом; потому как только таким образом можно было донести до дворцов в Тифлисе, Петербурге, а также до правительства и общественности страны глас и чаяния народа, притесняемого в каждодневной жизни и попираемого в своих правах на каждом шагу.

Конечно, нужны были веские причины для серьезных изменений в редакционной политике и в общественной ро-

ли «Каспия», который был предназначен, прежде всего, для русскоязычной публики и был призван служить в первую очередь ее интересам. Процесс превращения Баку к концу XIX века в национальный и духовный центр Азербайджана и его коренных жителей, а также в географическую, политическую, экономическую, культурную и интеллектуальную столицу азербайджанского народа не мог пройти мимо важнейших институтов города и его ведущей газеты.

***

Вклад мецената и миллионера Гаджи Зейналабдина Тагиева, обретшего на стыке двух столетий известность в обществе как «отца нации», в изменение облика и позиции «Каспия» был значительным.

Гаджи мог совершать опережающие свою эпоху поступки, которые на первый взгляд могли казаться немного странными и неожиданными для окружающих его людей, для современников.

Эти поступки не были прихотью обладателя несметных богатств, живущего в патриархальной мусульманской среде. Скорее всего, это было его чутье будущего, способность заглянуть вперед и опередить своё время, а ведь, к слову, Бог не одаривает каждого таким чутьём. Иначе Гаджи, в силу своей неграмотности с трудом ставивший свою подпись, не строил бы театры и школы для народа, не отправлял бы азербайджанскую молодежь в российские и европейские университеты, не тратил бы десятки тысяч своих кровных денег на образование женщин, не делал бы взносов в благотворительные общества, не помогал бы изданию газет и книг, не трудился бы в поте лица для обеспечения достойной жизни для соотечественников и единоверцев.

Гаджи Зейналабдин Тагиев предпринял один из своих неожиданных поступков в 1897 году. Несмотря на полную неграмотность, незнание русского языка и газетного дела он купил единственную ежедневную русскоязычную газету в Баку – «Каспий» вместе с типографией за 57 000 рублей, которая считалась немалой суммой для того времени.

Причины этой странной с первого взгляда, однако дальновидной покупки стала ясна только тогда, когда через несколько месяцев газета была сдана в аренду Алимардан беку Топчибашеву, 35-летнему выпускнику Петербургского университета, бывшему присяжному заседателю Бакинских судов. В июне месяце 1898 года А. Топчибашев со свойственной ему энергией приступил к редактированию самой популярной газеты Баку. Было ясно, что намерение мудрого Гаджи с первых же шагов заключалось в превращении «Каспия» в публичную трибуну своего народа, в его слово и голос. В период тотального запрещения мало-мальски значительного печатного органа на родном языке другого выхода просто не оставалось.

Газета, со дня основания служившая интересам русской, еврейской, немецкой и армянской буржуазии, и долгое время игнорировавшая коренной народ и его интересы постепенно стала превращаться в «мусульманский Каспи» под руководством Алимардан бека.

Само собой разумеется, что чудесное перевоплощение «Каспия» было, прежде всего, на руку азербайджанской интеллигенции, поскольку ее представители после закрытия «Экинчи» из-за целенаправленных доносов армян на долгие тридцать лет были отстранены от общественно значимой прессы. Несмотря на всевозможные попытки и инициативы, в течение десятилетий не удалось добиться раз-

решения от царских властей периодического издания на родном языке. Другими словами, целая нация была лишена своей прессы.

И всё же административные санкции не дали ожидаемого эффекта. Сформировалась немногочисленная, но непоколебимая и одержимая национальной идеей азербайджанская интеллигенция, которая, в совершенстве выучив русский язык, писала о проблемах народа на этом языке. Они не стеснялись появляться на страницах русскоязычных газет Баку, Тифлиса и даже столицы - Петербурга, затрагивая в своих публикациях болезненные проблемы родного народа, жизни и судьбы региона.

В этом смысле «Каспий», издававшийся на деньги азербайджанского миллионера в Баку и под редакцией азербайджанского публициста и общественного деятеля, был для них неожиданно появившейся возможностью вынести на повестку дня чаяния родного народа.

А.М. Топчибашев, будучи редактором, с готовностью передал известный в Баку и за пределами Кавказа «Каспий» в распоряжение соотечественников-интеллектуалов, которым были близки национальные чувства и которые в службе национальным идеям проявили стойкость. Гасан бек Зардаби, Ахмед бек Агаев, Али бек Гусейнзаде, Фирудин бек Кочарли, Эйнали бек Султанов, Джалиль Мамедгулузаде, Махмуд бек Махмудбеков, Асадулла бек Мурадханов, Джамо бек Гаджинский, Гашим бек Везиров, Рза бек Халилов и другие азербайджанские авторы начали регулярно выступать в газете по различным проблемам «жизни мусульман».

Деятельность Ахмед бек Агаева (Ахмед Агаоглу) должна быть особо отмечена в этом разрезе. Если бы в то время

существовала «Книга рекордов Гиннеса», то Ахмед бек, несомненно, вошел бы в нее как автор, опубликовавший в русскоязычной бакинской прессе в начале двадцатого века наибольшее количество материалов. В 1898-1905 гг. он был не только постоянным, но и самым активным автором «Каспия», так как весьма редкие номера газеты выходили без его публикаций. За 7 лет плодотворного сотрудничества с «Каспием» из-под пера Ахмед бека вышли около 1000 статей, фельетонов, рецензий, корреспонденций, зарисовок и т.д. о жизни и проблемах тогдашнего азербайджанского общества. С этой точки зрения, можно с уверенностью сказать, что в период редакционной работы А.М.Топчибашева А.Агаев в сравнении с другими национальными авторами сыграл гораздо большую роль в популяризации газеты и обретении ею известности в официальных и общественно-политических кругах Кавказа как «мусульманского Каспия».

Другим важным аспектом был новый подход по отношению к событиям жизни и общественно-политическим процессам. В номере 133 от 24 июля 1898 года, впервые вышедшем под редакцией Алимардан бека, в рубрике «От редакции» была опубликована его программная статья, в которой автор, декларируя свои принципы как редактора, писал: «В постоянном неусыпном стремлении везде и во всем видеть и отыскивать правду и только одну правду – заключается высшая цель печатного органа. Это – светоч, от которого должен идти и к которому должен стремиться всякий журнал, всякая газета. Без желания руководиться при каждом случае требованиями общественной правды, а еще более при искажении этой правды – все равно невольном или умышленном – печатный орган не будет стоять на высоте своего призвания...»

Начиная с данного номера газеты и вплоть до избрания депутатом I Государственной думы от Бакинской губернии в июне 1906 года и отъезда в Петербург, А.М.Топчибашев придерживался этих принципов, поставленных перед собой в качестве основной цели. Продолжая традиции Гасан бека Зардаби и, при этом, часто повторяя фразу «газета каждой провинции должна быть зеркалом той провинции», он старался превратить «Каспий» в своего рода зеркало своего времени, охватываемой им географической области и среды. Неслучайно одним из ведущих сотрудников «Каспия» в те годы был основатель и ветеран азербайджанской прессы Гасан бек Зардаби.

В период своего руководства в «Каспии» Алимардан беком было опубликовано около 120 статей. Большинство этих публикаций, носящих аналитический характер и проливающих свет на злободневные проблемы эпохи, наглядно демонстрирует глубину познаний и интересов автора, а также его сочувствие к «болевым точкам» нации и гражданское мужество. Считавшийся настоящим интеллектуалом своей эпохи, А.М.Топчибашев мог, демонстрируя высокое мастерство и профессионализм, убедительно писать о социальных и политических процессах, происходящих в современном для него мире, проблемах Российской империи, культурно-нравственной, социально-политической и социально-экономической жизни родного Баку, а также о многочисленных трудностях и несправедливостях, с которыми сталкивались его соотечественники.

Следует также учитывать, что работа на должности редактора ежедневной популярной газеты не была единственным занятием Алимардан бека. Он неоднократно избирался в Бакинскую городскую думу и принимал активное

участие в управлении городом. Одновременно был членом попечительского совета ведущих учебных заведений, таких, как Мариинская женская гимназия, Бакинская коммерческая школа, основанное опять же Г.З.Тагиевым русско-мусульманское женское учебное заведение. Он не оставался в стороне ни от одного важного события в жизни родного города. Широкий масштаб сфер деятельности и общественная активность, несомненно, отражались на разнообразии тем публикаций редактора «Каспия».

Расширившийся после 1905 года процесс взаимосотрудничества и интеграции между тюрко-мусульманскими народами Российской империи отразился также на общественной деятельности А.М.Топчибашева, значительно расширив объем и характер его работы. Он стал одним из лидеров российского мусульманства; жил, буквально, не для себя и своей семьи, а для народа, идей и целей, за которые боролся. Однако, несмотря на нехватку времени и рабочую нагрузку, пресса по-прежнему занимала важное место в жизни Алимардан бека.

***

К сожалению, богатое публицистическое наследие Алимардан бека Топчибашева до сих пор в должной степени не изучено. В его статьях можно найти ответы на большинство животрепещущих вопросов, волновавших азербайджанское общество в начале двадцатого века, и как ни странно, даже в наши дни. Как и многие его современники, Алимардан бек считал невежество и неграмотность страшным бичом мусульманской общины России в целом и соотечественников-азербайджанцев, в частности. Он был убежден, что все другие проблемы исходили именно от

этого недостатка. Почти треть статей, опубликованных им на страницах «Каспия», была посвящена вопросам просвещения, деятельности учебных заведений. В этих статьях им двигало, в первую очередь, желание показать обществу путь возрождения путем просвещения.

Другие ценные качества Топчубашева – редактора, а именно, его способности политического анализа и прогнозирования, глубокие историко-правовые познания, пропагандистские навыки, умение свободно откликаться и отвечать на сложные вопросы, высокая культура полемики – все это может быть замечено в статьях, написанных в годы и после разгрома первой русской революции, и в период выборов в Государственную Думу.

Еще одной болезненной тематикой в публицистической деятельности А.М.Топчубашова было «армяно-мусульманское» противостояние, имевшее место в Баку, Тифлисе, Иреване, других городах и сёлах Южного Кавказа в 1905 году в результате имперской политики царизма и карательных действий армянских национал-реваншистов, а также ее трагические последствия для изолированных и не имевших организационно-интеллектуальной, политической, военной, экономической мощи и официальной поддержки азербайджанских тюрок. В отличие от провокационной армянской пропаганды, азербайджанский автор показывал истинную анатомию и намерения организаторов этой межнациональной резни, которая, кроме бесконечных трагедий для обоих народов, ничего не обещала. С этой точки зрения данные статьи не утратили своей актуальности и в наши дни.

Его статьи о выборах в Думу, местном самоуправлении, роли масс в формировании власти, институте выбо-

ров, участия мусульман в революционном движении можно считать полноценным хрестоматийным образцом политической публицистики Азербайджана в начале XX века как по форме, так и содержанию. В этих работах автор призывал своих соотечественников проснуться из многовековой спячки, стать хозяевами своей судьбы и земли своих предков.

Наконец, А.М.Топчубашев умело использовал страницы «Каспия» для популяризации азербайджанской литературы и культуры, национально-нравственных ценностей, жизни и традиций своего народа. В этом деле ему помогали сплотившиеся вокруг него творческая интеллигенция, литераторы и народные учителя. Их статьи и очерки, написанные на русском языке, но по сути и духу отражавшие национальное мышление, стали наилучшим и громогласным заявлением азербайджанского народа о себе как об исконных тюрках и, своего рода, их «паспортом азербайджанского тюрка» в ту самую решающую эпоху «пробуждения Азии», когда чужеродная русская пропаганда упорно продолжала называть их «закавказскими татарами», «иноверцами», «иноземцами» и даже «персами».

***

Алимардан бек получил гимназическое и университетское образование на русском языке. В отличие от некоторых своих коллег, получивших такое же образование, однако писавших параллельно на двух языках или только на родном языке, в своей литературно-публицистической деятельности он предпочитал русский. Вполне вероятно, выбор русского языка был обусловлен общероссийским

масштабом и характером его общественно-политической и организационной деятельности.

В любом случае, недостаточно изученное богатое литературно-политическое наследие А.М.Топчибашева является духовным достоянием Азербайджана и принадлежит сокровищнице нашего народа. Он был истинным патриотом своей родины и посвятил 40 лет жизни бескорыстному служению родному народу. Его публицистика, завершившаяся практической политической деятельностью, отражала все этапы национальной общественной мысли с конца XIX века.

Вызывает сожаление, что это богатое научно – публицистическое наследие, за некоторым исключением, недостаточно изучается в контексте образования первой азербайджанской государственности европейской направленности и парламентского типа. В исследовательских работах о А.М.Топчибашеве не уделяется должное внимание его активной деятельности в газете «Каспий» и политической журналистике, которые в некоторой степени послужили идеологической основой для будущей независимости. Поиск, сбор, изучение, перевод и издание рассеянных по всему миру произведений одного из «отцов-основателей» Республики – первого председателя нашего парламента – это задача, прежде всего наших дней. Объявление распоряжением Президента Азербайджана нынешнего 2018-го года «Годом Республики» в нашей стране еще больше повышает значимость, серьезность и актуальность этой задачи.

В данной книге, представленной вниманию азербайджанских читателей, в частности заинтересованному наследием одного из видных деятелей Республики молодому

поколению, собраны на языке оригинала и в переводе на азербайджанский язык некоторые статьи Алимардан бека из страниц «Каспия». Книга называется «Избранные... из «Каспия»». При отборе для публикации работ автора, написанных им сто лет назад и даже раньше, мы старались уделить особое внимание связи времен... Упор был сделан на статьи, в которых и по тематике, и по проблематике можно найти созвучность с сегодняшними днями, проблемами, мыслями и чаяниями.

Раздел «Примечания» призван помочь читателю получить более полное представление об исторических событиях, процессах и проблемах, а также упомянутых в статьях отдельных личностях.

Опубликовав отобранные из богатого наследия самого главного «каспийца» – А.М.Топчибашева работы, нынешнее руководство «газеты трех веков», являющееся преемником выходившего 1881–1919 «Каспия», продемонстрировало верность традициям предшественников и внесло достойную лепту в «год Республики». Поэтому хочется искренно поблагодарить коллектив «Каспия» и его руководителя Сону ханым Велиеву за внимание и поддержку в первом издании сборника статей Алимардан бека на родном языке и пожелать дальнейших успехов в работе по популяризации наследия Республики.

***

Как уже отмечалось выше, несмотря на то, что «Каспий» не был национальным изданием или печатным органом политической партии, газета, тем не менее, внесла вклад в превращение народа из «мусульманской общины» в нацию со своей историей, литературой и политическими

амбициями. На определенном этапе показала дорогу соотечественникам-азербайджанцам в борьбе за восстановление их неотъемлемого права хозяина собственных исторических земель и право на свободную жизнь на родной земле. Другими словами, извилистая дорога, приведшая в итоге к национальной независимости первой на мусульманском востоке Республике, пролегла также через газетные полосы «Каспия». В своем историко-публицистическом эссе «Маяк Азербайджана», о котором я упоминал выше, Алимардан бек, указывая на это, писал: «...газета «Каспий» указанного периода (до 1906 г.) оставила глубокие следы в развитии духовной и политико-экономической жизни, прежде всего, тогдашнего Азербайджана. И будущий историк этой страны должен будет остановить внимание свое на проделанную газетой «Каспий» культурную работу и его ближайших сотрудников, среди коих Гасан беку Мелик-Зардаби должно быть отведено почетное место».

Мне бы хотелось, чтобы в дни всенародного празднования 100-летия Республики книга, в которой впервые на языке оригинала и в переводе на родной язык публикуются статьи А.М. Топчибашева, была воспринята именно как проявление этого внимания и как признак благодарности последующих поколений основателям нашей первой Республики.

Виляят Гулиев

ОТ РЕДАКЦИИ

С сегодняшнего дня мы приступаем к редактированию газеты «Каспий»¹.

Сознавая всю трудность и ответственность предстоящих для нас обязанностей, мы считаем долгом сказать несколько слов в разъяснение того, в чем, по нашему мнению, заключаются наши задачи, как мы их понимаем и какими средствами мы будем стремиться к их достижению и к выполнению лежащих на нас обязанностей. Мы не будем здесь касаться вопроса о значении печати вообще: роль, какую играет пресса в жизни современного общества, лучше всего объясняется влиянием, оказываемым ею на все слои общества у всех цивилизованных народов. И чем общество развитее в культурном отношении, тем сильнее влияние прессы, которая совершенно справедливо называется зеркалом души общества, отражая в себе общественную жизнь в ее реальном виде со всеми радостями и печалью, со всеми проявлениями будничной жизни всех классов данного общества и в то же время являясь выразительницей общественного мнения, носительницей идей и идеалов, которые, имея для всякого общества значение элемента прогрессивного, вдохновляют общество и способствуют к его дальнейшему развитию, совершенствованию.

Но такое значение пресса может и должна иметь только в том случае, если печатный орган всегда честно и неуклонно стоит на страже общественных интересов и тем отдает себя на служение общественной правде.

В постоянном неусыпном стремлении везде и во всем видеть и отыскивать правду и только одну правду – заключается высшая цель печатного органа. Это – светоч, от которого должен идти и к которому должен стремиться всякий журнал, всякая газета.

Без желания руководиться при каждом случае требованиями общественной правды, а еще более при искажении этой правды – все равно невольном или умышленном – печатный орган не будет стоять на высоте своего призвания...

Только при этом условии пресса может смело проводить в жизнь те культурные, общественные и нравственные начала, на которых зиждется мирное развитие и благосостояние всего общества и отдельных его членов; только тогда печатный орган в состоянии проводить в общественное сознание идеи милосердия, справедливости и любви.

Сознавая это условие необходимейшим и важнейшим в программе каждого печатного органа, газета «Каспий» будет стремиться в своей деятельности удовлетворять, прежде всего, этому требованию, будучи уверена, что только стоя на этой почве, она в состоянии выполнить свои задачи и приобрести симпатии общества.

Памятуя это и исходя из указанного начала, газета «Каспий» в пределах своей программы и насколько это позволят условия, в которых находится провинциальная пресса, будет отражать полно и своевременно выдающиеся события как русской жизни, так и мировой. Но, отмечая выдающиеся факты из области политики, русской литературы и общественной жизни русской, особенное внимание, как этого придерживался «Каспий» и до сего времени, газета будет обращать на краевые события и, в частности, на злобы дня местной бакинской жизни.

Газета «Каспий» за весь период своего существования всегда отмечала события кавказской жизни. Это – заслуга «Каспия», который и впредь будет зорко следить за жизнью в крае, отмечая и разрабатывая события кавказской жизни во всех их проявлениях.

Кавказский край по богатству и разнообразию природы представляет особенный интерес для науки, и, благодаря громадному материалу, который дает наш край науке в отношениях геологическом, лингвистическом, этнографическом и т. д., Кавказ давно приобрел значение страны, драгоценной для пытливого человеческого ума.

Но, помимо научного значения, изучение Кавказа, кавказоведение является весьма необходимым в интересах общегосударственных, заключающихся в установлении и упрочении мирного развития и благосостояния всех подданных и в единении края с общим отечеством.

А цели мирного развития и благосостояния подданных могут быть достигнуты проведением в их жизнь культурных начал наибольшей пропагандой и популяризацией идей просвещения.

Вот почему «Каспий» вменяет себе в священную обязанность ратовать за просвещение населения края, без различия национальности, религии и звания, стараясь о распространении среди всего населения здравых понятий о необходимости основать как общие, так и специально-технические школы для детей обоого пола, поддерживать их материально и нравственно и всячески внушать ту неоспоримую истину, что только школа даст им возможность постепенно освобождаться от окутавшего их мрака, невежества и нищеты, что только школа сделает их материально и нравственно обеспеченными людьми.

Но для того, чтобы воздействовать на население в этом смысле, необходимо возможное и деятельное *изучение современного быта населения, их нравов и обычаев, верований и обрядов, словом – необходимо изучение краевой жизни во всех ее проявлениях, причем для лучшего уразумения явлений современной жизни особенную пользу может оказывать историческое их освещение.*

Не менее полезно при таком изучении быта населения останавливаться иногда на однородных явлениях, повторяющихся в жизни других народов и государств. В этом отношении быт населения Кавказа и, в особенности, Бакинской губернии даст много общих явлений и черт с жизнью азиатских народов благодаря соседству нашему с восточными государствами, знакомство с жизнью которых является крайне полезным.

Газета «Каспий» по мере сил и возможности посвятит себя столь серьезному и необходимому делу, как изучение быта населения, по намеченной выше программе, без чего пресса, будучи далека от истинного понимания нужд и потребностей населения, не в состоянии вовремя прийти на помощь правительственным органам и общественным учреждениям в деле удовлетворения общественных нужд и потребностей, непрерывно выдвигаемых жизнью.

Все нужды и потребности общества всегда будут находить в «Каспии» сильное разъяснение и беспристрастную оценку. В этих видах наша газета будет следить и изучать все вопросы, касающиеся вообще народного хозяйства и благосостояния, обращая внимание на земледелие, скотоводство, шелководство, садоводство и др. сопряженные с последними отраслями народного труда. Но в ряду вопросов народного хозяйства и благосостояния

«Каспий» будет отмечать особо нефтяное дело, в обширном смысле этого слова, для которого газета имеет особый «Нефтяной отдел». Имея в виду, какую роль играет это дело не только в так называемом Бакинском районе, но и во всем нашем государстве, мы будем всесторонне заниматься современным положением и развитием нефтяного дела во всех его появлениях, будем отзываться на нужды и потребности нашего нефтяного мира, имеющего, как мы сказали, общегосударственное значение.

Наконец, близость наша со среднеазиатскими нашими владениями и восточными государствами, постоянные торговые сношения с этими последними и значение города Баку как торгового порта, лежащего на пути в Азию, обязывает нас следить за развитием у нас дела судоходства по Каспийскому морю и его бассейну, отмечая и разрабатывая все вопросы этого рода в «Отделе морском» нашей газеты.

Специально в отношении города Баку «Каспий» по-прежнему будет уделять охотно на своих страницах место всем вопросам, касающимся деятельности городского общественного самоуправления, справедливо находя, что еще много надо трудиться вместе – и органам правительственным и общественным, и самому городскому обществу, и печати, чтобы полуазиатский город наш улучшить в отношениях санитарном, внешнего благоустройства, городского хозяйства и вообще нужд горожан и тем дать Баку подобающее его настоящему значению положение как столице нефтяного царства.

Таковы, в общем, задачи, которые преследовались и будут преследоваться газетой «Каспий». Задачи эти сложны сами по себе, но трудность их усугубляется еще разнообразностью населения нашего района, состоящего из

людей, принадлежащих к разным национальностям и исповедующих разные религии.

В этом отношении мы теперь же спешим оговориться, что, стоя строго на почве требований справедливости, мы будем одинаково относиться ко всем народностям, признавая за каждой из них право на свободное существование.

Мы будем одинаково относиться ко всем хорошим проявлениям, не различая народностей, зато и одинаково будем бичевать пороки и все дурное, у кого бы и где бы их ни находили...

Несмотря на обширность преследуемых задач, «Каспий» имеет возможность полно отражать вопросы, касающиеся этих задач, благодаря, прежде всего, формату своему, не уступающему размерам самых больших русских газет.

Что же касается до сил, которыми располагает редакция, то в этом отношении, кроме известных читателям «Каспия» постоянных сотрудников, работающих в составе редакции в течение многих лет, нами приглашены и новые лица из числа известных читающей публике кавказских публицистов и журналистов². По мере сил и возможности редакция будет пополнять свой состав, но особенное внимание будет обращено на развитие «отдела корреспонденции», для чего редакция озабочена приисканием соответствующих лиц в наиболее важных местностях не только Бакинской губернии, но соседних с последней губерний и областей.

Но какие бы силы ни были в распоряжении редакции и как бы ни было велико число сотрудников и корреспондентов, всякая газета, а следовательно и «Каспий», может рассчитывать на успешное достижение своих целей и на благоприятный результат своей работы только в том слу-

чае, если орган печати пользуется нравственной поддержкой и сочувствием общества.

Сравнительно большой рост самого «Каспия» и задуманное вследствие этого покойным его редактором Н.А. Соколинским³ увеличение формата газеты убеждает нас в том, что среди нашего общества немало почитателей «Каспия», интересующихся различными явлениями общественной жизни, уделяющих свое внимание на уяснение и оценку этих явлений и заботящихся не только о собственных интересах, но и о благе общественном. Это отрадное явление дает нам смелость и впредь рассчитывать на симпатии общества и мы взываем ко всем передовым, интеллигентным силам нашего общества, прося их помочь нам в достижении указанных выше задач, стремящихся ко благу всех и каждого. Мы охотно будем делиться нашими мыслями с людьми опыта и познаний и открываем столбцы «Каспия» для всех, желающих так или иначе способствовать к разъяснению поставленных выше задач.

В надежде на сочувствие и поддержку всех любителей правды мы приступаем к нашему делу, уверенные, что принесем посильную пользу родному краю.

А.М. Топчибашев
Каспий. № 133, 1898. 24 июля

ПО ПОВОДУ ОТКРЫТИЯ В БАКУ ЖЕНСКОГО РУССКО-МУСУЛЬМАНСКОГО УЧИЛИЩА

Нужда в развитии просвещения у нас настолько велика и ощутительна и в то же время мы так бедны еще действительными рассадниками обучения и воспитания нашего юношества, что открытие всякой школы, независимо от тех или иных задач, предусматриваемых школой, наполняет сердце каждого, желающего добра своей стране, особенной радостью. Смотря на каждую школу как на одно из просветительных учреждений страны, мы приветствуем всякий раз появление нового рассадника образования, чувствуя, что увеличение числа школ и связанное с ним распространение просвещения приближает нас к началу торжества света над мраком, добра над злом.

Если такое вполне естественное чувство радости вызывает во всем передовом обществе появление каждой школы, то что сказать о школе, которая, не имея себе примера и появляясь впервые, предназначена судьбой пробить чувствительную брешь и положить начало тому окну к свету, от благотворных лучей которого столь ревниво заслонена безотрадная жизнь мусульманской части населения не только Кавказского края, но и всей России, даже всего мира!..

Такой школой, которая выступает в роли первой провозвестницы наступления новой эры в деле умственно-воспитательного развития наших мусульман, является женское имени императрицы Александры Федоровны⁴

русско-мусульманское училище, учрежденное в Баку потомственным почетным гражданином Гаджи Зейнал Абдин Тагиевым⁵. Имя этого щедрого благотворителя настолько популярно, что он пользуется известностью далеко за пределами своего отечества, как самый отзывчивый из числа состоятельных мусульман, близко принимающий к сердцу дела благотворения вообще.

Оказывая материальную поддержку неимущим, без различия национальности и вероисповедания, Г.З.А. Тагиев делает это с полным сознанием важности и необходимости помощи тем, кто в ней действительно нуждается, чуждый того узкого и обидного взгляда, в силу которого миллионер обязан уделять бедным от щедрот своих.

Но особенно охотно и усердно г. Тагиев приходит на помощь делу народного просвещения.

В этом отношении, будучи ревностным сторонником образования вообще, Г.З.А. Тагиев просто удивляет всех, приходящих с ним в соприкосновение по вопросам просветительного характера, той верой и энергией убежденности, какую проникнут этот самородный ум, не получивший никакого образования, в могучую силу просвещения. Высказывая мысли, которые можно услышать только из уст современного интеллигентного человека, Гаджи Зейнал Абдин Тагиев очаровывает своего собеседника тем культом школы, которую он действительно боготворит, откликаясь так часто на ее нужды и потребности.

Не место здесь перечислять все те учебные заведения, в которых г. Тагиев или состоит почетным попечителем, внося ежегодно определенную сумму, или же содержит десятки стипендиатов. Не говоря о многочисленных случаях оказания им учащимся материальной поддержки в виде

единовременных пособий, г. Тагиев пользуется выдающимися событиями общественно-государственного или местного значения, чтобы ознаменовать такие события добрыми делами на пользу просвещения. Припомним хотя бы пожертвованные им 10 тыс. руб. в память освещения бакинского Александро-Невского собора⁶ и пребывания в Баку экзарха Грузии, из коих 3 тыс. руб. отчислено в пользу православной церковно-приходской школы в Баку, а остальные 7 тыс. руб. – на пополнение средств народных школ Бакинского уезда. Многим, конечно, памятно и открытие в селении Мардакяны, Бакинского уезда, специальной школы садоводства⁷, для которой Г.З.А. Тагиевым выстроено прекрасное помещение и разведен обширный сад с отпуском десятка тыс. руб. на содержание школы. Еще недавно этим благотворителем пожертвованы: 20 тыс. руб. на пользу Кавказского общества исправительных колоний и ремесленных приютов для малолетних преступников, 10 тыс. руб. в пользу Петербургского благотворительного общества, 50 тыс. руб. в пользу открываемого Бакинского коммерческого училища⁸.

Творимые Г.З.А. Тагиевым добрые дела на почве благотворительности вообще и просвещения в частности давно снискали ему среди населения нашего края заслуженное уважение, доходящее у мусульманской части населения до обожания, благодаря чему Г.З.А. Тагиев резко выделяется среди прочих богатых мусульман, как отзывчивый на все хорошее и доброе человек. Потому-то редкое и имеющее общественный характер благое дело мусульман не только нашего края, но и внутренних губерний России обходится без того или иного участия Г.З.А. Тагиева. В этом отношении наши мусульмане давно привыкли ставить г. Тагиева в

пример другим своим единовецам, которые, может быть, и богаче бакинского благотворителя, но беднее его своими душевными качествами и любовью к добру и свету, служащими наилучшим памятником, какой может оставить человек после себя на земле.

Но венцом просветительно-благотворительных дел Г.З.А. Тагиева до сих пор, бесспорно, является открываемое в Баку женское русско-мусульманское училище, и не только потому, что на это дело г. Тагиевым пожертвовано свыше 200 тыс. руб., но главным образом по тому значению, какое придает сам учредитель и какое может иметь эта первая школа для мусульманских девушек в будущем духовном развитии мусульман вообще.

Крайне угнетенное положение мусульманской женщины-затворницы, лишенной света и воздуха, в связи с общим невежеством мусульман, отсутствие удобно читаемой азбуки и правильно организованной духовной школы для приготовления образовательных толкователей аль-Корана и шариата, служат истинными причинами общей отсталости народов, исповедующих ислам, и в то же время являются существенно капитальными и жгучими вопросами, от правильного и скорого разрешения которых зависит все будущее мусульманских народов.

Эти вопиющие нужды мусульманской жизни, без удовлетворения которых не мыслимо дальнейшее разумное существование и, в особенности, борьба мусульман на культурно-экономической арене современных народов, начинают проникать в сознание и наших мусульман, все более и более убеждающихся во вреде тех тяжелых условий, среди которых протекает их невежественная жизнь.

Вот почему первая весть об учреждении в Баку учебного заведения для мусульманских девушек взбудоражила наш мусульманский мир: со всех почти областей империи с мусульманским населением поступали, между прочим и в нашу редакцию, тревожные запросы о том, что это за училище, какова его программа, из кого будет состоять учебно-воспитательный персонал и т. п. Во многих из таких запросов сквозило как бы боязливое недоверие к самой идее мусульманского женского училища: не рано ли Г.З.А. Тагиев взялся за «такое» дело? Как отнесется к нему невежественная масса мусульманского населения и, в особенности, мусульманское духовенство?..

Надо сознаться, что эти вопросы и сейчас как бы имеют свои *raison d'être*, вытекая из тех взглядов и понятий, какие усвоила себе на религию Магомета и, в особенности, на шариат не только читающая публика, но и те из мусульман, которые, к стыду своему, мало знакомы с исповедуемой ими религией и еще менее с положениями своего шариата.

Ввиду крайне превратных понятий о мусульманстве, особенно надо отметить установившийся взгляд на положение мусульманской женщины. Те из большой публики, которые привыкли смотреть на пророка Магомета и его создание – Коран – лишь с отрицательной точки зрения и даже враждебно, должны были, конечно, и в несчастном положении мусульманской женщины видеть прямое последствие религии Магомета: «Это мусульманский пророк и его шариат довел женщину до положения безответного домашнего животного, поучая своих последователей тому, что женщина – раба мужчины, созданная для его утех и домашних услуг!»

Приписывающие Магомету такое «учение» забывают только, что творец ислама, стремившийся создать на земле организованное человеческое общежитие, не мог проповедовать и придерживаться столь безнравственного и анти-социального положения, как узаконение религий неравенства между людьми двух полов, самой природой призванных к совместному, солидарному и равноправному существованию.

Такая религия, обреченная на смерть, должна была бы заглохнуть в самом зародыше, как предлагающая своим adeptам противообщественное начало. А между тем последователи арабийского пророка, разбросанные по всем частям земного шара, насчитываются сотнями миллионов, увеличиваясь все более и более...

Мы не будем распространяться на эту тему, подробно рассмотренную в ряде статей, помещенных на страницах нашей газеты, скажем только, что мусульманский пророк, проповедуя о том, что «мужчина и женщина созданы из одного и того же вещества» (Коран: глава о женщинах), наделил женщину всеми личными, семейными и имущественными правами, и тем самым создав для женщины одинаковое с мужчиной юридическое положение, возвысил ее до равной с последним общественно-нравственной силы.

Если же, несмотря на равноправное свое положение, женщина-мусульманка очутилась и сейчас находится в безвыходном положении несправедливого существа, то в этом виновата отнюдь не религия Магомета, а пережитая мусульманскими народами история социально-бытовых отношений и то искажение ислама, которому в течение веков подвергалось учение пророка невежественным, но все-таки сильным мусульманским духовенством, игравшим поста-

новлениями шариата в своих собственных интересах и угоду самовластных деспотов в лице восточных царей и всякого рода правителей...

Действительная жизнь как отдельных лиц, так и целых обществ, народов никогда не в состоянии укладываться в тесные рамки норм, устанавливаемых законом и религией; человеческая жизнь, заключающая в себе самой прогрессивное начало, принимает те или другие формы под влиянием многообразных причин, связанных с часто неуловимыми условиями окружающей природы, места и времени; «фактическое» положение вещей в данном обществе есть результат веками складывавшихся наслоений жизненных условий, составляющих традиции и обычаи общества. Как бы эти последние по характеру своему и были отрицательны и вредны, они, как тяжелое наследие прошлого, не могут скоро забыться; они имеют и будут иметь своих сторонников, из коих одни из невежества, другие из корыстных и иных побуждений окажутся готовыми стать в защиту «попираемых прав» старины!

В таком виде, к сожалению, находится фактическое положение мусульманской женщины: она сейчас бесправна, угнетена более сильным полом, лишена возможности развивать свой ум и природные дарования; словом, у нее отнято все, что «даровано ей Богом и пророком»!

Из настоящего безотрадного положения женщина мусульманка может быть выведена только при помощи школы.

Открываемое в Баку женское русско-мусульманское имени императрицы Александры Федоровны училище будет иметь значение той первой школы в современном смысле этого слова, которой предназначено положить начало умственно-нравственного развития мусульманской

женщины. И в этом, конечно, не следует, что до сих пор мусульмане не знали женских школ и не обучали своих девушек. Имена высокообразованных и ученых мусульманок, занимавших даже профессорские кафедры в академиях Багдада, Каира, Кордовы и других умственных центров восточных государств в эпоху их могущества и процветания, свидетельствуют о многочисленных школах, в которых получали образование мусульманские девушки.

Но, к сожалению, это славное время, когда мусульманка пользовалась свободой разумного существа во всех проявлениях жизни, составляет лишь достояние истории, служа наилучшим подтверждением того положения, что ислам относится не враждебно к просвещению, но может служить для народов, его исповедующих, могучим стимулом поощрения к прогрессу вообще, если только не искажать его заветов... Перед именами мусульманских женщин, подобных вышеприведенным, должны стыдиться все те, кои и теперь являются сторонниками гнусного затворнического режима, доведшего мусульманку до настоящего ее приниженного положения! И лишь меры, принимаемые за последнее время передовыми мусульманами в Константинополе, Каире, Бомбее, Калькутте с целью поднятия путем школы умственно-нравственного состояния мусульманской женщины, в состоянии при благоприятных результатах искупить хоть часть тяжкого «греха», допущенного в отношении женщины мусульманки.

Что же касается Кавказского края и вообще русских мусульман, то о существовании среди них правильно организованной школы для обучения мусульманских девушек мы не знаем. Нам известна лишь попытка, сделанная в восьмидесятых годах открытия в Тифлисе особого инсти-

тута для девушек-мусульманок на пожертвования, которые имелось в виду собрать от состоятельных мусульман в крае и на субсидию из Государственного казначейства.

Но мысль эта, горячим сторонником которой, между прочим, был покойный генерал Старосельский⁹, в бытность его начальником главного управления бывшего наместника Кавказского, не получила осуществления, так как нашлись лица, заговорившие о неудобстве и даже об опасности создания учебного заведения специально для мусульманских девушек!..

В том же Тифлисе в начале восьмидесятых годов было основано мусульманское благотворительное общество, которое открыло на свои средства начальную школу для девочек-мусульманок. Но как само общество, так и школа должны были очень скоро закрыться за неимением средств.

Кроме указанных, других сколько-нибудь серьезных попыток и забот об образовании мусульманских девушек у нас не было.

Правда, в городах и даже во многих селениях Кавказского края, как вообще у всех мусульман, продолжает существовать домашнее или мектебное обучение девушек: эти последние собираются у грамотной и читающей аль-Коран женщины, и редко у моллы, и проходят то, что обыкновенно принято изучать в мусульманских мектебах, сводящееся, главным образом, к умению читать аль-Коран без понимания его смысла, а для девочек – и к какой-нибудь ручной работе вроде вязания или вышивания. Таких женских мектебов немало и теперь в нашем крае.

Не отрицая известного значения, какое имели мектебы вообще для мусульман, удерживая их от полного одичания, и в особенности того значения, какое могут иметь

мектебы, пользующиеся большой еще популярностью среди мусульман, и которые можно было бы [использовать] в деле просвещения мусульман при их реформировании, мы должны все же сказать, что господствующие в мектебах чисто схоластические приемы и порядки обучения не дают возможности считать их школами в современном значении этого слова. Вот почему открываемое в Баку русско-мусульманское училище с полным правом может быть названо первым по времени возникновения учебным заведением в России, предназначенным для образования мусульманских девушек. Но эта школа является первой не только по порядку, но и по тому образцовому устройству, которое можно требовать от учебного заведения с подобной целью при настоящих условиях мусульманской жизни и при господствующим среди массы населения взгляде на женщину. В этом отношении, как можно было видеть из устава Бакинского женского русско-мусульманского училища, с содержанием которого мы познакомили наших читателей в № 183 «Каспия», организация этой школы, выражающаяся в постановке учебно-воспитательного дела, должна удовлетворить и тех противников образования женщин, которые в своем слепом неведении высказываются против всякого рода просветительных учреждений, бессознательно придерживаясь того нелепого взгляда, что всякое «новшество» ведет лишь к подрыву религиозных, общественных, семейных основ и столь излюбленных традиций старины...

Учредитель этой школы не мог игнорировать подобных приверженцев старины, составляющих, к сожалению, огромную массу мусульманского населения, а потому при составлении устава училища обязательно надо было считаться с общим уровнем понятий мусульман вообще на об-

разование женщины. Это была не только уступка, но и тот необходимый порядок действий, при котором, при настоящих условиях умственно-нравственного состояния наших мусульман, возможно обеспечить получение желательных результатов от всякого начинания просветительного характера. В данном случае надо было убедить мусульман, что учреждаемая в Баку русско-мусульманская женская школа имеет в виду дать девушкам-мусульманкам известный круг познаний, необходимых для нее в предстоящей ей жизни, как женщины, жены и матери; что те познания, которые получит девушка-мусульманка в этой школе, не оттолкнут ее от семьи и не сделают ее чужой в этой семье, без знания своей веры, языка и требований ожидающей ее жизни; что дать образование мусульманке не значит научить ее только говорить по-русски, забыв свой язык, одеваться по моде, издеваясь над обычаями окружающих, посещать балы и театры, пренебрегая обязанностями жены и матери; что, напротив, русско-мусульманская школа ставит своей задачей дать такое образование мусульманке, чтобы она умела и говорить по-русски, и одеваться прилично, и развлекать себя разумно, не переставая оставаться действительной подругой своего мужа и настоящей матерью своих детей. Правда, это такие требования, которые должны быть предъявлены к женской школе вообще, но школа, выступающая впервые для образования мусульманской девушки, должна наиболее удовлетворять этим требованиям, чтобы на первых же порах завоевать симпатию всего мусульманского общества и в особенности разочаровать нечестивые ожидания тех фарисеев, которые из эгоистических вожеланий своих находят выгодным держать женщину в неведении всего того, что ее окружает.

Мы не сомневаемся, что Бакинская русско-мусульманская школа сумеет стать в уровень выраженных нами желательных требований.

За это ручается, прежде всего, данная ей уставом организация, которая в состоянии удовлетворить все требования с мусульманской точки зрения.

Приведем наиболее выдающиеся в этом отношении черты: по характеру своему это училище есть закрытое учебно-воспитательное заведение, в которое принимаются исключительно девочки-мусульманки; кроме общеобразовательных предметов, установленных программами одноклассных начальных училищ, будут преподаваться: мусульманский Закон Божий и татарский язык; начальница, равно преподавательницы русского и татарского языков и мусульманского Закона Божия, должны быть мусульманки; из числа последних будет и весь состав служащих в училище; в дополнительном профессиональном классе будут изучаться рукоделие и домоводство применительно к потребностям мусульманской семьи; наконец, в составе Попечительного совета, кроме представителей (обоих полов) от мусульманского общества, находится представитель магометанского духовенства – бакинский губернский казий.

Уже из этих данных видно, что в организации женского училища соблюдены, по возможности, необходимые с точки зрения мусульманского требования.

Как будут приложены к жизни эти данные – это уже дело учебно-воспитательного персонала и Попечительного совета училища. В особенности от энергии и такта, добросовестного и умелого ведения учебно-воспитательного дела зависит весь будущий успех у нас женского русско-мусульманского училища. Конечно, мы не говорим о тех

шероховатостях и недочетах, которые неизбежны при всяком новом деле, а в таком, как женская мусульманская школа, в особенности: мы имеем в виду создание и соблюдение в этой школе того направления, которое предначертано в ее уставе, и которое одно в состоянии сделать из нее действительный рассадник обучения и воспитания мусульманских девушек.

В этом отношении мы вполне надеемся на образованный уже состав училищного персонала и Попечительного совета: должности начальницы и преподавательниц-надзирательниц училища, а также членов-мусульман Попечительного совета занимают лица, принадлежащие к интеллигентному мусульманскому классу. Это дает нам уверенность в успешном ведении дел училища, в любви и энергии учебно-воспитательного персонала и Попечительного совета к взятым на себя обязанностям, если и не сложным, то весьма ответственным. Старание оправдать перед всем мусульманским обществом доверие, оказанное передачей в их руки столь важного для будущности мусульман дела, должно служить для этих лиц руководящим стимулом в предстоящей им скромной, но чреватой последствиями деятельности.

Нельзя, наконец, не указать и на присутствие в числе членов Попечительного совета таких лиц, как Бакинского городского головы, начальницы местной женской гимназии, директора мужской гимназии и директора народных училищ.

Связуя интересы русско-мусульманской женской школы с бакинским общественным управлением, давшим школе безвозмездно землю, и другими учебными заведениями, эти лица окажут полезное влияние на правильное

функционирование училища со стороны хозяйственной и в особенности педагогической.

Вышеприведенные условия организации женского русско-мусульманского училища являются, по нашему мнению, настолько целесообразными, что, при надлежащем пользовании ими, не только успех школы в будущем надо считать вполне обеспеченным, но надо надеяться, что школа эта послужит образцом для других подобного рода учебных заведений. Так, уже под влиянием идеи о Бакинской русско-мусульманской школе, циркулирующей среди наших мусульман вот уже два года, в гор. Эривани, как у нас на днях сообщалось, в скором времени откроется подобная же женская школа. И мы не сомневаемся, что среди наших мусульман это будет не единственным примером, так как идея об образовании мусульман, подобно доброму семени, брошенному на благодатную почву, должна быть чреватой своими благими последствиями.

В числе таких последствий этой идеи нам предвидится дальнейшее ее развитие, которое должно привести к мысли о расширении программы женского русско-мусульманского училища. Нечего и говорить, что очень скоро курс одноклассного начального училища окажется незначительным для тех мусульманских девушек, которые захотели бы продолжить свое образование в том же направлении. Эта вполне естественная потребность жизни вызовет на сцену вопрос о женской русско-мусульманской прогимназии, а затем и гимназии.

Разрешение этого вопроса, думается нам, будет иметь место в нашем же Баку, в том кругу лиц, которым придется осуществлять в начальном виде идею об образовании мусульманки... Недаром учредитель русско-мусуль-

манской школы Гаджи Зейнал Абдин Тагиев возвел для этой школы здание, в котором может поместиться женская прогимназия с пансионом и даже целая гимназия! Первой русско-мусульманской школе, носящей имя государыни императрицы, всего более и подобает в своем эволюционном развитии стремиться расширить круг познаний, даваемых мусульманским девушкам с тем, чтобы эти последние могли со временем стать в уровень умственно нравственных понятий образованных девушек других народностей.

Но это – дело будущего! Пока же заложено прочное начало прекрасного дела образования мусульманки, составляющее один из краеугольных камней, без которого не мыслим умственно-нравственный и экономический подъем и развитие наших мусульман.

Приходя очень кстати на помощь к своим единоверцам Гаджи Зейнал Абдин Тагиев в своем отношении вполне следует словам пророка Магомета, который настолько высоко ставил женщину в семье, что говорил: «Бог поместил рай у ног матерей».

Являясь основой семьи, только разумная мать в состоянии понять все ее значение для общества и государства, только она в состоянии дать своим детям, будущим гражданам, тот первый толчок в развитии их умственно-нравственных сил, от которого зависит все их дальнейшее будущее.

Но чтобы быть разумной матерью, надо, прежде всего, иметь права человека, права женщины, что отнято у мусульманки силой обстоятельств... Она вернет свои права только при помощи школы, которая научит ее всегда помнить исторические слова одной мусульманки, сказавшей

всенародно в мечети халифу Омару¹⁰, желавшему ограничить права мусульманской женщины при заключении брака: «Предводитель правоверных, вы не имеете права лишить нас того, что даровано нам – женщинам Богом и его пророком».

*Т[опчибашев]
Каспий. № 207-208, 1901. 22–23 сентября*

ПЕРВЫЙ ТАТАРСКИЙ ДРАМАТУРГ (Памяти Мирза Фатали Ахундова)

В настоящем году исполнилось пятьдесят лет со дня появления в свет столь популярных среди мусульман комедий Мирзы Фатали Ахундова¹¹. Этот редкий в жизни наших мусульман литературный юбилей чествуется постановкой завтра на сцене тагиевского театра¹² одной из лучших пьес этого известного татарского драматурга «Гаджи Кара». Подобное же чествование этого 50-летнего юбилея имело место истекшем летом в Шуше и других городах.

Такое отношение интеллигентной части мусульманского населения к Мирзе Фатали Ахундову, свидетельствуя о зарождающемся самосознании наших азербайджанских татар в деле оценки литературных деятелей, говорит о том значении и влиянии, какое имели и продолжают еще иметь драматические сочинения этого автора на жизнь и, в частности, на литературу закавказских татар.

И действительно, если бедная вообще ценными произведениями литература азербайджанских татар может похвастаться своей драмой, отличающейся метким и верным изображением отрицательных сторон татарской жизни, то этим наши татары обязаны Мирзе Фатали Ахундову, который является первым татарским драматургом и весьма талантливым родоначальником татарской драмы. Он по справедливости считается татарским Мольером¹³. Шесть написанных им комедий, благодаря метко выхваченным типам и картинам из отсталой жизни татар, неподдельному

юмору и легкому, образному языку, и теперь еще представляют громадный интерес и, овладевая вниманием посетителей татарского театра, вызывают грустные чувства о судьбе мало еще культурных закавказских татар. С тех пор прошло полвека, а картины местной жизни так незначительно изменились!..

Даровитый драматург, как создатель татарской драмы, Мирза Фатали Ахундов указал верный путь, по которому идут его ученики, число которых все увеличивается, особенно в последнее время, и этот прирост драматических писателей среди азербайджанских татар находится, конечно, в прямой зависимости от массы недостатков и неблагоприятных условий окружающей их жизни, которая своими уродливыми явлениями, отсталыми понятиями, извращением столь прекрасных и гуманных по существу догматов магометанской религии и шариата сама просится на сцену, чтобы всенародно быть осмеянной, а всего более оплаканной.

И к чести татарских драматических писателей надо сказать, что в их произведениях, даже иногда мало сценических, ясно слышится этот «смех сквозь слезы», завещанный современным авторам драматических произведений все тем же Мирзою Фатали Ахундовым.

В дни чествования памяти этого выдающегося общественно-литературного деятеля и новатора в жизни азербайджанских татар как нельзя более кстати познакомиться с его биографией, мало известной даже интеллигентным мусульманам. В этом отношении знаменитый татарский драматург не избег общей участи почти всех татарских писателей, жизнь и литературная деятельность которых представляется terra incognita для самих татар. Спросите грамотного азербайджанского татарина о его родных по-

этах и писателях - он назовет Вакифа¹⁴ (Молла Панаха), Закира¹⁵ (Касум бек Ханзирстанский), Молла Вели-Ведади¹⁶ и др., скажет на память стихи этих поэтов, но и только; он не знает даже по именам целой плеяды даровитых азербайджанских поэтов и писателей, а о знакомстве с их биографией и говорить нечего.

До сих пор нет еще ни одного пособия или исследования о татарских литературных деятелях, и лишь «Сборник произведений азербайджанских поэтов», изданном в Лейпциге известным Ад. Берже¹⁷ в 1867 г., и в «Сборнике произведений Вакифа и его современников», составленном Мирзой Юсуфом Карабаги¹⁸, - можно найти некоторые и то отрывочные сведения о поэтах и писателях азербайджанских татар*.

Очевидно, интеллигентные татары наши пока мало интересуются родной литературой: сочинения татарских авторов остаются до сих пор еще неизданными, не составлены их биографии и потому неудивительно, что даже лучшие представители литературы азербайджанских татар пребывают в неизвестности, а могилы их остаются в развалинах. Так, могила основателя народной поэзии на татарском кладбище города Шуши, могила автора чудных поэм на персидском языке, елисаветпольского татарина Низами¹⁹, на кладбище елисаветпольского Гек-Имама и могила татарского Мольера Мирзы Фатали Ахундова на татарском кладбище города Тифлиса – все они в развалинах или

* На днях в Тифлисе вышла из печати брошюра под заглавием «Литература азербайджанских татар», составленная преподавателем татарского отделения Горийской учительской семинарии Фридуном Кочарлинским. Об этой интересной брошюре мы поговорим в ближайшем номере нашей газеты. Прим. автора.

сравнены с землей и служат ярким укором всем азербайджанским татарам, в особенности интеллигентной их части, за их непростительное невнимание, граничащее с пренебрежением к родным писателям.

II

Приводимые ниже биографические сведения о Мирзе Фатали Ахундове нами взяты у сына татарского драматурга, инженера Рашид бека Ахундова²⁰, проживающего в Тифлисе и состоящего на службе по ведомству Министерства путей сообщения. Не претендуя на законченность, сведения эти отличаются точностью.

Мирза Фатали Ахундов родился в 1811 г. в гор. Нухе, где проживали его родители. Последних он лишился шести лет от роду, и с этого возраста сирота Ахундов перешел на попечение своего дяди по матери ахунда Гаджи Алескера. Этот ахунд считался одним из ученых мулл своего времени и в Нухе имел свое училище. Под его руководством Мирза Фатали прошел весь курс восточных языков, изучив в совершенстве, кроме родного тюркского, языки персидский и арабский.

Выказанные юношей Ахундовым большие способности заставили ахунда Алескера предназначить его к духовному званию, но это решение не сбылось благодаря известному даже в Европе поэту и философу Мирзе Шафи^{*21}. Собираясь ехать в Мекку на богомолье, ахунд Мирза Алескер оставил молодого Ахундова в Елисаветполе для дальнейшего усовершенствования в арабском языке у елиса-

* Сочинение Мирзы Шафи были изданы в Германии Боденштедтом вместе с немецким переводом и примечаниями. Прим. автора.

ветпольского ахунда Молла Гусейна. Здесь-то 17-летний Мирза Фатали познакомился с Мирзой Шафи, который и внушил ему мысль бросить духовное звание и поступать на русскую службу. С таким советом Мирзой Шафи согласился и дядя Ахундова Мирза Алескер, который и отдал племянника в открывшееся тогда же нухинское училище для обучения его русскому языку. По окончании этого училища, Мирза Фатали Ахундов вместе с ахундом Мирзой Алескером приехал в Тифлис и здесь поступил на должность письменного переводчика восточных языков в канцелярию главноуправляющего Грузией барона Розена²². Это было в 1834 г., когда Ахундову было 23 года.

Все свободное от службы время Мирза Фатали Ахундов посвящал чтению, чем он успел значительно пополнить пробелы своего образования и всесторонне развить свой ум и способности. Между прочим в этом периоде жизни Мирза Фатали Ахундов обнаружил поэтический дар: им написано много неизданных до сих пор стихотворений на персидском и татарском языках. В числе их заслуживает особого внимания, по искренности чувств и художественности, поэма в стихах, написанная в 1837 г. на смерть поэта А.С. Пушкина²³. Пораженный неожиданной смертью великого русского поэта Мирза Фатали Ахундов, большой поклонник Пушкина, излил в образных стихах всю горечь своей души, оплакивая гиганта русского Парнаса²⁴. Стихотворение это переведено* на русский язык Марлинским (Бестужевым)²⁵.

---

* Перевод этого стихотворения напечатан был в газете «Кавказ» 26 мая 1899 года, в день столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Прим. автора.

Помимо поэтических произведений, Мирза Фатали Ахундов известен и как публицист, критик и беллетрист. Будучи одним из образованных азербайджанских татар, он отзывался на запросы своего времени, вел переписку со всеми видными мусульманами тогдашнего времени, особенно с поэтом: Закиром и др., которых старался знакомить с европейской и, в частности, с русской жизнью и литературой. Жаль только, что письма Ахундова, относящиеся к этому времени, да и вообще письма его, писанные разным выдающимся татарам, в большинстве случаев затерялись, а имеющиеся на руках еще не приведены в порядок; несомненно, что эти письма дадут богатый материал из жизни наших мусульман за вторую половину XIX столетия.

В качестве критика Ахундовым написаны несколько сочинений на персидском языке, но сочинения эти почти неизвестны и до сих пор не изданы. Наконец, им написано и одно беллетристическое произведение – повесть на татарском языке под заглавием «Обманутые звезды»*. Взятая из персидской государственной жизни времен Сафавидов²⁶ повесть эта изображает отсталые персидские порядки, и настолько жизненно, что может иметь отношение и к порядкам, или, скорее, непорядкам, современной Персии. По крайней мере, недобросовестность, алчность, продажность и другие качества персидских государственных людей времен Сафавидов одинаково применимы к персидским сановникам и наших дней, ведущих Персию к гибели. Достаточно припомнить письма наджафских муштеидов и «всей персидской нации» к Музафар-Эддин шаху²⁷, по-

---

* Повесть эта переведена на русский язык Фр.-б. Кочарлинским и помещена в майской книжке журнала «Кавказский вестник» за 1901 г. Прим. автора.

служившая поводом к удалению всесильного первого министра – садразама.

Но Мирза Фатали Ахундов приобрел огромную известность своими драматическими произведениями, давшими ему имя татарского Мольера. Им написаны шесть комедий в бытность его на службе в департаменте управления наместника Кавказского.

В 1851 г. по инициативе тогдашнего наместника князя Воронцова²⁸ в г. Тифлисе состоялось открытие театра. Это событие внушило Мирзе Фатали Ахундову мысль написать на тюркском языке оригинальные комедии, сюжетами для которых мог служить (и послужил) хорошо ему известный быт закавказских татар. Написанные им комедии вместе с повестью «Обманутые звезды» вышли первым изданием в 1859 г., но еще раньше, в 1853 г., был издан русский перевод пяти комедий, в числе которых была комедия «Гаджи Кара». Перевод комедий Мирзы Фатали Ахундова на русский язык и их издание в 1853 г. были сделаны по распоряжению наместника кн. Воронцова, который питал особое расположение к автору.

Комедии Ахундова были первым опытом драматических произведений почти во всем мусульманском мире, почему и появление их вызвало большую сенсацию. В тогдашних периодических русских и даже иностранных органах появились благоприятные об этих комедиях отзывы, которые, приветствуя зарождение татарской драмы, находили в комедиях Ахундова верное изображение жизни азербайджанских татар. Скоро комедии эти сделались известными в Персии благодаря персидскому переводу, сделанному в Тегеране Мирзой Джафаром²⁹, секретарем принца Джелал-Эддин Мирзы³⁰. Европейские ученые также обра-

тили внимание на комедии Мирзы Фатали Ахундова. Так, в Англии в 1882 г. Haggard³¹ и Le Strange³² издали персидский текст пьесы «Визирь Серабского ханства» с английским переводом, словарем и примечаниями; затем, известный Barbier de Meynard³³ напечатал в Париже в 1886 г. в «Journal Asiatique»³⁴ азербайджанский текст комедии «Алхимик» и в 1889 г. в I томе трудов стокгольмского конгресса ориенталистов помещен азербайджанский текст комедии «Медведь, победитель разбойника». В том же году Alfonse Cilliere³⁵ издал персидский текст комедий «Визирь» и «Адвокаты», а в Вене профессор Вармунд³⁶ напечатал персидский текст комедии «Мосье Жордан ботаник» вместе со словарем и примечаниями. В 1889 г. в «Algemeine Zeitung»³⁷ и в изданиях Zarnke «Literarisches Centralblatt»³⁸ 1890 г. появились весьма лестные отзывы об этих комедиях.

Таковы заслуги Мирзы Фатали Ахундова в литературе азербайджанских татар. Но кроме сказанного, он первый обратил внимание на недостатки арабской азбуки, которой пользуются все исповедующие ислам народы. Вопрос об изменении арабской азбуки составляет предмет обсуждения всех мыслящих мусульман и в наши дни. Но покойный Мирза Фатали Ахундов первым возбудил этот вопрос, предлагал в то же время лучший и верный способ его разрешения. Он совершенно основательно находил, что нельзя одному человеку, каким бы он ни был гением, заставить миллионы мусульман принять изобретенную им одним азбуку; этот один может явиться лишь инициатором, а принятие должно быть общим через правительства мусульманских государств.

Исходя из этого положения, Мирза Фатали Ахундов составил особые меморандумы о необходимости измене-

ния арабской азбуки и вместе с усовершенствованной азбукой представил их персидскому и турецкому правительствам, причем сам ездил в Константинополь для поддержания своей идеи. В Тегеране и Константинополе для обсуждения меморандумов и усовершенствованной азбуки Мирзы Фатали Ахундова были назначены комиссии, в которых главное участие принимали улемы, всегда и везде поддерживающие рутину, и первый опыт реформирования арабской азбуки, несмотря на правильно принятый для этого способ, потерпел, к несчастью, неудачу. Это обстоятельство не могло не огорчить такого поборника просвещения наших мусульман, каким был всю свою плодотворную жизнь Мирза Фатали Ахундов; так этот образованный и искренно любящий свой народ мусульманин умер, не увидав осуществления своей дорогой мысли, которая, увы, считается и по сей день недостижимым идеалом современных мусульман. Умер Мирза Фатали Ахундов на 67 году жизни 26 мая 1878 г. в чине полковника в гор. Тифлисе, где и похоронен на татарском кладбище. Смерть его у всех мыслящих мусульман Закавказья вызвала неподдельные чувства искреннего и глубокого сожаления о народной потере, а нынешние мусульмане, в лице интеллигентной части своей, с благодарностью вспоминают первого татарского драматурга, так художественно и реально умевшего изображать недостатки быта азербайджанских татар.

А.М.-б. Топчибашев
Каспий. № 230, 1903. 26 октября

ЛИТЕРАТУРА АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ТАТАР (О книге Ф.б. Кочарлинского)

Под таким заглавием на днях вышла из печати брошюра, составленная Фридуном-беком Кочарлинским³⁹, изданная в Тифлисе и стоящая 20 коп.

Автор ее, преподаватель татарского отделения Горийской учительской семинарии⁴⁰, известен татарской читающей публике как переводчик на татарский язык небольших произведений русских писателей – Л.Н. Толстого⁴¹ («О вреде табака и вина») и Пушкина («Сказка о рыбаке и рыбке» и «Песнь о вещем Олеге»); им же переведен «Гений рода» Шопенгауэра⁴², а также с татарского на русский язык повесть Мирзы Фатали Ахундова «Обманутые звезды». Временами г. Кочарлинский печатает в тифлисских газетах статьи, касающиеся литературы азербайджанских татар.

Все это говорит за то, что Фр.-б. Кочарлинский – один из немногих интеллигентных мусульман, знакомых с родной литературой и интересующихся ее историей, произведениями и деятелями. Выпущенная им брошюра «Литература азербайджанских татар» поддерживает сказанное.

Брошюра эта в виде отдельной статьи появилась сначала в журнале «Вестник Кавказа»⁴³ за настоящий год и автор хорошо сделал, выпустив ее отдельной книжечкой.

Нечего и говорить, что в небольшой книжечке в 54 страницы in folio* нельзя объять всю литературу азербай-

* Фолиант, том (лат.).

джанских татар, да на это не претендует, очевидно и сам автор. Правда, литература наших татар не изобилует особенно ценными произведениями, но она зародилась давно, имеет свою историю и насчитывает в своих рядах многих выдающихся по дарованиям поэтов, драматургов и вообще писателей, число которых, особенно в последнее время, увеличивается все более и более.

Большинство из них имеет право быть отмеченными не только по именам, но и подробным разбором их произведений, указанием на связь между их произведениями и окружающими или историческими явлениями из жизни татар, приведением возможно полной биографии авторов и проч.

Составление такой «литературы азербайджанских татар» было бы трудом почетным, серьезным и, конечно, заняло бы тома весьма интересного литературного обзора. Очевидно, г. Кочарлинский не преследовал и не мог преследовать подобной цели уже по тому одному, что составление полного обзора литературы наших татар при настоящих условиях – задача крайне тяжелая и не под силу одному человеку.

В статье нашей «Первый татарский драматург» (см. «Каспий» № 230) мы уже говорили о том плачевном и хаотическом состоянии, в котором пребывают литературные произведения даже выдающихся татарских авторов. Почти никто из них не выходил еще полным изданием; даже лучшие из них – Вакиф (Молла Панах), Закир (Касум бек Ханзирстанский) и др. еще не изданы*, а вышедшая в свет

* Лишь в текущем году изданы произведения шемахинского поэта Гаджи Сеид Азима сыном его Мир Джафаром Сеид-Мамедовым. Прим. автора.

в шестидесятых годах избранные сочинения азербайджанских поэтов, изданные в Лейпциге Ад. Берже, и «Сборник произведений Вакифа и его современников» составленный Мирзой Юсуфом Карабаги, не имеются в продаже, почему и стали библиографической редкостью. Такая же редкость и сочинения Мирзы Фатали Ахундова, изданные в 1859 г. в Тифлисе. И сейчас часто приходится слышать, что у такого-то бека или ахунда имеется рукописный полный сборник произведений того или другого автора, но издания этих произведений все не появляются. Появятся ли когда-нибудь, и когда? В этом отношении наши мусульмане особенно нуждаются в образовании издательского товарищества, которое и приняло бы на себя издание сочинений авторов их родной литературы. Обиднее всего, что наши интеллигентные мусульмане на эту сторону дела не обращают внимания, и даже те, которым от Аллаха дана возможность, и те не идут на помощь, чтобы вывести из под развалин родных писателей. Нам, например, известен случай, как один весьма образованный татарин вот уже который год обещался написать биографию своего одноклассника поэта Низами по имеющимся у него данным – и мы все еще ждем биографии этого известного поэта. Другой случай: несколько интеллигентных мусульман задумали реставрировать в Шуше разрушившуюся могилу поэта Вакифа, этого царя всех азербайджанских поэтов. Но годы проходят и могила популярного певца татар продолжает оставаться в развалинах, и лишь шушинские татарки в последнюю среду перед Новруз-байрамом (9 марта) ежегодно посещают могилу, увы не для поклонения праху Вакифа, воспевавшего в пленительных стихах татарскую женщину,

а «для совершения здесь разных суеверных обрядов, заключающих будто бы в себе исцелительные от физических и душевных болезней силы».

Можно ли, при отсутствии изданий авторов и их биографий, думать пока о составлении полной литературы азербайджанских татар?

В своей брошюре г. Кочарлинский сделал лишь конспективный обзор этой литературы, и благодаря этому в ней отсутствует какая-нибудь определенная система в классификации авторов по их направлениям, по роду их произведений и т. п. Давая читателю то, что известно автору, он оставил без ответа многие вопросы, сами напрашивающиеся при чтении этой книжки. Правда, нет еще составленных биографий татарских писателей, но нельзя ли было собрать биографические сведения, например, о казахском поэте Молла Видади, современнике и друге Вакифа, которым, как говорится в брошюре, положено вместе с Вакифом основание азербайджанской литературы? А поэтесса Ашик Пери⁴⁴ (из Джебраильского уезда), с ее музой чистой любви, долга, справедливости и уважения к человеку, или гуманный поэт Набати⁴⁵ (из Мугана), воспевший свободу воли, сознательную веру во всемогущее единение и справедливое начало?

Но не будем очень требовательны к г. Кочарлинскому, он сделал первый опыт в составлении литературы азербайджанских татар, и за это ему большое спасибо. Будем надеяться, что составитель не остановится на этом опыте и, взяв канвою теперешний свой конспект по родной литературе, поработает над последним, в чем он должен встретить, мы в этом уверены, сочувствие и поддержку всех интеллигентных мусульман, подвигающихся на ниве азербайджанской

литературы. В одном Баку сосредоточено немало выдающихся литературных сил, приводимых и г. Кочарлинским в брошюре. Читающим татарам хорошо известны имена Гасан-бека Меликова⁴⁶, основателя татарской журналистики и популяризатора естествознания среди татарского населения, Ах.-б. Агаева⁴⁷, выступившего в сочинении «Ахунд ва Ислам» против недостойной части мусульманского духовенства, Над.-б. Везирова⁴⁸, Абд.-б. Ахвердова⁴⁹ – драматургов, Сул. М. Ганиева⁵⁰, образцового переводчика, автора оригинального романа на татарском языке и составителя «Тюрко-татарского словаря», и др.

Кому много дано, с того много и спросится: обогащение родной литературы новыми полезными произведениями – вот то, чего ожидают азербайджанские татары от своих интеллигентных представителей.

А.М.-б. Топчибашев
Каспий. № 232, 1903. 31 октября

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУСУЛЬМАНКИ

Под таким заглавием татарская газета «Переводчик»⁵¹ поместила весьма интересную статью, посвященную деятельности мусульманки на разных поприщах. Зорко следящий за всеми перипетиями мусульманской жизни и отмечающий с любовью всякий ее успех, «Переводчик» в восторженных выражениях перечисляет имена выдающихся мусульманок на поприще учебной, литературной, благотворительной, торговой и даже ученой деятельности.

Правда, не длинен пока перечень мусульманских деятельниц на ниве народной, но при том угнетенном положении, в котором волей судеб и вопреки шариату оказалась мусульманка, тем более достойны быть отмеченными выступившие на арену общественной деятельности мусульманские женщины, как пионеры, пробившие брешь в окружающей их толстой стене невежества и порабощения. По справедливому замечанию Исмаил бека Гаспринского⁵², автора указанной статьи, «скромно и бесшумно мусульманка выступает на арену общественной деятельности, не разрывая с настоящим, она отмечает будущее».

В этом и заключается, без сомнения, верный залог правильного развития мусульманской жизни и, в частности, мусульманки, на которой, несмотря на всю ее загнанность, держится мусульманская семья. Являясь оплотом последней, мусульманка фактом выступления в роли общественного деятеля кладет прочный камень в дело культивирования семьи, а следовательно всей мусульманской

жизни. В этом отношении отмечаемое явление крайне отрадно и чревато своими добрыми последствиями.

Перечисление имен достойных мусульманок Ис.-б. Гаспринский начинает с извинений, что при всем желании щадить скромность мусульманки приходится в назидание народу назвать имена почетных ханымов. Засим идет перечисление имен, которое ввиду новизны и особого интереса приводим целиком.

«Ее Превосходительство Умму-Гюльсюм ханым Шейх-Алиева⁵³ в Петербурге, семья И.М. Муфтийзаде⁵⁴ в Симферополе, устраивая благоговорительно-литературные вечера, служит делу благотворения.

Торговый дом Биби Газизе Габдульжабаровой в Семипалатинске, Торговый дом К. Кулиевой в Омске, ведущий обширную торговлю японскими и китайскими товарами, и другие фирмы указывают нам, что скромная, едва видимая мусульманка не лишена ни права, ни инициативы. В торговой деятельности шариат не лишает мусульманку нужных прав, как и в области учебной и научной. Древняя история мусульман представляет немало примеров осуществления и применения этих правил. В фабричном предпринимательстве гг. Акчуриных⁵⁵ и Дебердиевых⁵⁶ (Симбирская, Саратовская губ.) участвуют как пайщики многие ханымы. Не менее интересно и еще более отрадно, что эти ханымы широко помогают делу обучения девочек. Так, например, в д. Зуя Мергуб ханым и Маргуп ханым Акчурины содержат на свой счет мектеб для девочек; в с. Гурьевка Магруй ханым содержит два мектеба, в коих обучаются по звуковому методу до 100 детей. Наиболее бедные девочки получают от жертвователниц также обувь, одежду и часть пропитания. В этих мектебах в 2–3 года девочки

выучиваются хорошо писать, читать по-татарски, Корану и религии. В д. Пенделке Фатма ханым Дебердеева (урожденная Акчурина) содержит на свои средства два мектеба; в д. Иркязим Мерьем ханым Дебердеева (урожденная Акчурина) содержит один мектеб. В этих трех мектебах обучается до 120 девочек, причем в мектебе Марьем ханым она сама обучает учениц рукоделию.

В Уфе Мерьем ханым Султанова (урожденная Акчурина) содержит на свой счет приют для сирот. Воспитывая не менее 20 детей, она устраивает также их дальнейшую судьбу, избавляя от падения и гибели. К добрым именам этих ханымов надо прибавить имена покойной Зегра ханым Гаспринской⁵⁷ (тоже урожденной Акчуриной), поработавшей много лет для развития печати и распространения звукового метода, Пембе ханым Болатуковой⁵⁸ (урожденная Гаспринская), которая лично обучает в Бахчисарае до 40 девочек по звуковому методу.

В Баку в женской Александринской школе, учрежденной г. Тагиевым, работает шесть мусульманок. Директриса Ханифе ханым Меликова⁵⁹, ее помощница Мерьем ханым Сулькевич⁶⁰ и учительница – Шефика ханым Шейхзаде⁶¹, Сара ханым Ахундова⁶², Хадидже ханым Абдрахманова и Рахиле ханым Терегулова⁶³ усердно работают в первой мусульманской школе-пансионе под благотворительным попечительством Соны ханым Тагиевой⁶⁴, урожденной Араблинской. Дочь заслуженного генерала⁶⁵, супруга неистощимого благодетеля г-на Тагиева, Сона ханым, женщина с развитием, скромно, невидимо витает добрым гением в области учебно-воспитательного дела кавказских мусульманок.

Очерк наш был бы не полным, если бы мы пропустили почетные имена кн. Девлеткельдеевой⁶⁶ (урожденной Ах-

меровой) как пионера русской школы в Казани, Амины ханым Файзухановой⁶⁷, деятельницы в голодный год в Уфимской губ. Амина ханым Файзуханова, прикрытая чадрой не из морозовского полотна, а сотканной из наилучших идей Ислама и гуманности, в тягчайший год народного бедствия, добровольно работала среди голодного, больного, изъязвленного цингой, зараженного тифом народа многие месяцы. Кормить, лечить, учить и утешить – все слилось в деятельности этой прекрасной мусульманки.

Не можем не упомянуть еще супруги шейха Баруди⁶⁸ из г. Казани и г-жи Бектемировой из Касимовского уезда как работниц женских мектебов и дела обучения. Г-жа Бектемирова⁶⁹, кроме того, и писательница.

Еще недавно мы сообщали, что в Тифлисе трое интеллигентных мусульманок задумали открыть школу современного типа для девочек. Имена этих ханымов пока остаются нам неизвестными.

Вслед за г-жой Кутлюяровой-Сулеймановой⁷⁰, первой мусульманкой-врачом, бесшумно направились к высшему и медицинскому образованию и другие. Сейчас на высших и медицинских курсах в Санкт-Петербурге мы имеем Зейнеб ханым Абдрахманову, Ширинскую (из Крыма), Фатьму ханым Еникееву, К. Асфендиярову (из Ташкента), Рахиле ханым Губаеву, М.Ш. Ряджабову (из Волжского края), Айше ханым Чимбаевич, Марьям ханым Олиевич (из Западного края) и других в числе 14 мусульманок на высших медицинских курсах!

Это особенно отрадно, если принять во внимание нужду мусульманской женщины в медицинской помощи. Жаль только, что в этом отношении закавказская мусульманка далеко отстала от своей сестры мусульманки внут-

ренных губерний и пока не дала ни одной слушательницы медицинских курсов. Будем надеяться, что это только вопрос времени и в нашем Закавказье из оканчивающих курсы в женских гимназиях, институтах и заведениях Св. Нины найдутся будущие женщины-врачи, которые совместно с деятельницами на других поприщах окажут делу развития мусульманской жизни во всех ее проявлениях неоценимые услуги.

Т[опчибашев]
Каспий. № 255, 1903. 28 ноября

НОВЫЙ БАКИНСКИЙ КАЗИЙ

На должность бакинского казия и председателя Бакинского губернского меджлиса г. губернатором кн. М.А. Накашидзе⁷¹ назначен ахунд Мир Мамед Керим Ахунд Мирджафарзаде⁷².

Должность эта долгое время оставалась вакантной, и в течение последнего полугодия в составе губернского меджлиса находился лишь всего один член. А между тем губернский меджлис, имея в подчинении 6 уездных казиев, ведает религиозные дела всей Бакинской губернии со сплошным мусульманским населением. К сожалению, в отношении религиозных дел мусульман бакинских губернский меджлис за последние годы не проявлял особой деятельности. Достаточно сказать, что более половины приходов в губернии (их более 500) годами оставались без приходских мулл. Мало видно было забот со стороны меджлиса и в заведывании вакуфными имениями. Укажем, например, на вакуфные лавки при мечети Касум бека⁷³ в Баку, которые после долгих лет дождались, наконец, ремонта, но почему-то и после ремонта они не сдаются в аренду и до сих пор пустуют.

Зависело ли такое отношение к делам религиозным от слабости прежнего состава или неумения, но мы надеемся, что с назначением нового председателя меджлис оживится, и духовные нужды мусульман нашего города и всей Бакинской губернии получат надлежащее удовлетворение. Новый бакинский казий хорошо известен и администра-

ции, и всему мусульманскому населению Бакинского района. Родом ахунд Мир Мамед Керим Ахунд Мирджафарзаде из Баку, образование получил у лучших мулл и одним из первых сдал экзамен в Закавказском духовном правлении на звание духовного лица – ахунда, проявив весьма солидные познания в мусульманском богословии и в знании восточных языков – турецко-татарского, персидского и арабского. В течение более десяти лет Мир Мамед Керим Ахунд Мирджафарзаде занимал должность приходского муллы крепостной части города Баку. Зарекомендовав себя как примерный приходской мулла, аккуратный в исполнении своих официальных обязанностей, Мир Мамед Керим сумел приобрести расположение и почет не только со стороны своих прихожан, но и всего населения гор. Баку как образованное духовное лицо. В качестве одного из видных представителей бакинского мусульманского духовенства ахунд Мир Мамед Керим приглашался почетными бакинцами во всех торжественных случаях местной жизни; так, во главе с ним местные мусульмане встретили Его Величество шаха персидского⁷⁴.

Особую известность этот достойный духовный отец приобрел с тех пор, как распространился факт окончания им грандиозного философско-научного труда в виде «Комментария аль-Корана», написанного на азербайджанском языке. Первая часть этого редкого сочинения уже печатается. Труд этот, без сомнения, послужит для наших мусульман тем ключом, который необходим для истинного уразумения аль-Корана и без которого огромное большинство мусульман так еще далеко от понимания смысла даже основных догматов ислама.

Ахунд Мир Мамед Керим ревностный мусульманин и,

насколько мы его знаем, полон желания быть полезным своим единоверцам.

Мы убеждены, что на почетном посту губернского казиза и председателя медресы почетный ахунд проявит все свои духовно-нравственные качества и тем послужит прекрасным примером настоящего духовного лица, стоящего на высоте своего призвания.

Заметим еще, что назначение почтенного ахунда совпало с тревожным временем, когда необходимо напрячь все силы для успешной борьбы против настигшего нас врага – холеры. Участие духовенства в этой борьбе и влияние, какое оно может оказывать на население, явится той активной помощью, которой до сих пор недостает нашей санитарной организации.

Зная просвещенные взгляды нового казиза и его любовь к общественности, мы убеждены в той пользе, какую окажет ахунд Мир Мамед Керим в начатой борьбе против холеры.

Приветствуя назначение ахунд Мир Мамед Керима, от души желаем ему сил и энергии для предстоящей духовной деятельности.

*Т[опчибашев]
Каспий. №207, 1904. 14 сентября*

КАВКАЗСКИЕ КАРТИНЫ

На мою долю выпало дать в новогоднем номере обзор кавказской жизни за только что минувший год. Но читатели знают, какая это трудная и неблагодарная задача. Не говоря, что такими свойствами обладает вообще всякий «обзор» в котором надо «сокращенно» повторить уже сказанное, «обзор кавказской жизни» имеет свои специфические затруднения, отнимающие всякую охоту приниматься за него...

Прежде всего, небезопасно трактовать о явлениях свежих, еще незаконченных, продолжающихся. А затем не надо забывать, что эти явления имели место не в Марокко или на одном из Филиппинских островов, чтобы о них можно было говорить безбоязненно: явления, которые бы хотелось обозревать, происходили у нас в Кавказском крае, и этого достаточно, чтобы поставить точку над і...

Но и без этой точки обозреватель кавказской жизни находится в большом затруднении относительно источников, из которых можно черпать необходимые сведения для годичного или какого угодно другого обзора...

В начале года, 3 января, была отпразднована столетняя годовщина взятия русскими Гянджинской крепости⁷⁵ и переименование ее в гор. Елисаветполь в честь супруги⁷⁶ императора Александра I. Во время празднования елисаветпольский губернатор генерал Лутцау⁷⁷, поздравляя жителей со столь важным событием, между прочим сказал*: «Сто лет

* «Каспий», № 4 за 1904 г. Прим. автора.

прошло со дня присоединения Гянджинского ханства к России; население, мирно развиваясь, пользуется всеми правами гражданственности и культуры: охрана жизни и имущества, гуманные законы, широкое самоуправление – вот те блага, коих не лишено местное население»...

Кавказская печать!.. Сколько в этих двух словах...

Отражает ли кавказская печать общественную жизнь в крае?

Конечно, нет – вправе сказать каждый, следящий за этой жизнью по нашим газетам.

Прежде всего, органов печати в крае совсем немного, один-два и обчелся. А затем и существующие сосредоточены в одном-двух пунктах, остальные же пункты, обширные области и губернии, не уступающие по пространству целым королевствам, вовсе не имеют печатных органов. Обслуживать интересы последних призваны те несколько периодических изданий. Как они обслуживают и стоят на страже местных интересов не только отдаленных областей, но и своих – также хорошо известно.

Достаточно упомянуть, что бакинские газеты разрабатывают вопросы, имеющие жизненный интерес для Кубанской области, владикавказские – занимаются эриванскими делами, а тифлиссские – и бакинскими, и асхабадскими и грозненскими, только не тифлиссскими...

Дело, конечно, не в вопросе о вкусах, о которых не спорят...

Упомянуть ли далее о языке, на котором пишут наши газеты, трактуя о тех или других вопросах, касающихся столь и не столь отдаленных губерний и областей? Сам Эзоп⁷⁸ спасовал бы перед кавказскими журналистами, научившимися с ловкостью заправского волтижера обходить опасные Сциллы и Харибды⁷⁹. Этому искусству научились

не только присяжные газетные работники, которым и Бог велел прибегать к языку Эзопа, но хорошо освоились с последним «наши», «собственные» и «случайные» корреспонденты.

Какой это преинтересный народ – кавказские корреспонденты! О них можно бы писать целый трактат. В этой существенной части газетной армии весьма много действительных тружеников и полезных деятелей, но немало просто обладающих писательским зудом. В числе первых добрая половина состоит из народных учителей, относящихся с подобающей серьезностью к святому делу служения родному краю. При настоящих условиях Кавказского края, в котором царит невежество, лишь из скромных, но почтенных деятелей на ниве народной – из народных учителей могут быть пополняемы, но, к сожалению, не пополняются по разным обстоятельствам, редкие кадры газетных корреспондентов из разных медвежьих углов Кавказа.

Может ли, спрашивается, кавказская печать при настоящих условиях быть верной выразительницей общественного мнения и отражать правильно и с надлежащей оценкой явления окружающей жизни?..

А ведь печать – это единственный источник для обозревателя, только в ней одной последний должен искать данные, чтобы сделать тот или другой вывод из образа общественной жизни за прошлый год... А источник этот бьет ключом где-то в подземелье, не видит вовсе Божьего света и тщетно ищет себе выхода сквозь тесно обложившие его крепкие породы...

Полагаю, я привел достаточно оснований, дающих мне право отказаться вовсе от обзора кавказской жизни 1904 г.

Вместо такого обзора сегодняшнего дня мы будем вести с читателями ряд бесед под общим названием «Кав-

казские картины». Это огромное полотно, для которого нужны десятки кистей. Заранее прошу не сетовать, если на эти «картины» придется употреблять бледные краски, отчего подчас «картины» выйдут безжизненными, туманными и даже просто аляповатыми, ибо в срочной газетной работе и при нынешних условиях нельзя быть вообще художником и в особенности пишущим яркими солнечными красками...

Мы будем нравственно удовлетворены, если сумеем возможно полнее обрисовать хоть эскизную часть «Кавказских картин», предоставив доделку настоящим художникам, которые должны же быть когда-нибудь и у нас на Кавказе. Но чтобы достигнуть желаемой полноты, необходимы сведения и факты из жизни края. Их мы

будем черпать там, где и окажется возможным и где их найдем: в корреспонденциях всех кавказских газет, в письмах и сообщениях. Заранее выражаем признательность всем нашим постоянным и случайным корреспондентам. В этом отношении мы возлагаем надежду на кавказскую интеллигенцию, без различия национальности.

На интеллигентных людях лежит святой долг помочь делу духовного и экономического подъема родного Кавказа. Без сомнения, каждый из них в своем деле приносит пользу и общему делу, но при настоящем положении нашего края, не имеющего достаточного числа пишущих работников, долг каждого интеллигентного кавказца поддерживать всеми силами гласность, которая играет роль сильного рычага в пробуждении и развитии народных масс.

Пусть каждый интеллигентный кавказец пишет сам или даже сообщит о каком-нибудь безобразном факте, тех или других нуждах и неурядицах данной местности, дурных обычаях, народных суевериях и т. п. Ни один орган мест-

ной печати не откажется, по мере возможности, конечно, от их огласки, столбцы «Каспия» открыты для этого, а наведенное уже полотно «Кавказских картин» ждет фактов и сведений.

Пусть каждый интеллигентный кавказец, будет ли это армянин, грузин, лезгин, балкарец, помнит, что помимо прямых профессиональных, служебных и других личных обязанностей, у каждого из них есть обязанность общая, налагаемая на них интересами родины, преуспевание которой должно составлять конечную цель всех кавказских народностей, и прежде всего их передовых людей.

Пора нашей кавказской интеллигенции сознать свое духовное родство, созданное общностью социально-экономических и духовно-нравственных интересов.

Во имя этих интересов пора интеллигенции грузинской, татарской, армянской сплотиться под тем древнем знаменем, на котором красуется милый сердцу каждого уземца Кавказ со всеми его причудливыми горами, прекрасными долинами, шумными реками, тенистыми садами, со всеми его когда-то храбрыми и патриархально-добрыми народностями...

Уже видны проблески духовного единения кавказской интеллигенции, и от последней зависит упрочить эту духовную связь.

Желать этой духовной связи претвориться в сознании интеллигентных людей, развиваться и укрепиться – таково наше новогоднее поздравление.

С новым годом, кавказцы!

*А. М.-б. Топчибашев
Каспий. № 1, 1905. 1 января*

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

Вопрос о мусульманской духовной семинарии на Кавказе давно поставлен мусульманским духовенством, обществом и печатью на первую очередь, будучи вызван потребностями жизни наших мусульман.

Какое имеет значение религия для мусульман настолько известно, что полагаем, не требует особых пояснений. Достаточно припомнить ту роль, какую до сих пор играли и играют в жизни мусульман духовные лица. И отсюда один вывод, что чем больше духовных лиц хороших качеств, чем больше у них познаний, чем больше они проникнуты сознательным отношением к тем потребностям, которые выдвигаются новыми условиями жизни и для мусульман, словом, чем более духовные лица стоят на высоте положения, тем влияние их на народные массы будет благотворнее. И наоборот, неисчислимы весь тот вред, который проистекает от духовного лица – не только невежественного, но и чуждого по усвоенному мировоззрению требованиям современной жизни.

Глубоко сознавая неизбежность такого положения, передовые мусульмане давно уже обсуждают вопрос об улучшении состава своего духовенства, которое, конечно, может и должно произойти при посредстве лишь школы, надлежаще устроенной.

Можно без преувеличения сказать, что в последнее время во всем крае добрая половина приходов не имеет мулл, и это не мудрено, если число последних становится

все меньше и меньше. Мы говорим, конечно, о муллах, удовлетворяющих определенным требованиям.

Но откуда взять этих мулл?

В прежнее время во многих местах Закавказья славились частные медресе (духовные училища), в которых известные своей ученостью и нравственными качествами члены подготовляли мулл. Таких медресе уже нет в крае, и желающие получить духовное образование из кавказских мусульман едут в Персию, Турцию и Египет.

Но по действующему положению об управлении Закавказским магометанским духовенством лица, получившие духовное образование за границей, не допускаются к занятию в крае духовных должностей.

Таким образом, получается безвыходное положение: у себя негде учиться, а получившие образование вне пределов России устраняются...

Откуда же мусульмане могут получить духовных еще, да и еще удовлетворяющих определенным и, конечно, необходимым требованиям в отношении познания и нравственных качеств?

Возбуждавшиеся до сих пор соответствующие ходатайства, подобно ходатайствам мусульман об учреждении благотворительного общества, оставались без удовлетворения, хотя содержание духовной семинарии мусульманское общество брало на себя.

Но в этом отношении посчастливилось закавказским шейх-уль-исламу Ахундзаде⁸⁰ и муфтию Гаибову⁸¹, которые, принеся через исправляющего обязанности главного начальника гражданской частью на Кавказе генерала Фрезе⁸² поздравления их императорским величествам по случаю рождения наследника престола, от имени му-

сульманского населения Кавказского края просили, в ознаменование этого события, об открытии в Тифлисе на счет вакуфных сумм и частных пожертвований духовной семинарии (медресе) с присвоением этому учебному заведению имени наследника цесаревича⁸³.

Генерал Фрезе отнесся к этой мысли сочувственно, и по его поручению канцелярия главноначальствующего еще в октябре 1904 г. просила закавказских шейх-уль-ислама и муфтия сообщить подробные сведения и соображения об основаниях, на коих предполагается организовать проектируемое училище, а равно сведения о тех средствах, какие необходимы на устройство и содержание семинарии.

Исполняющий ныне обязанности главноначальствующего генерал-лейтенант Малама⁸⁴ со своей стороны признал устройство проектируемой семинарии весьма желательным.

По проекту высшего мусульманского духовенства предлагаемая к открытию семинария в Тифлисе, она будет закрытым учебным заведением с пансионом на 50 учащихся, но будут допущены и приходящие. Программа следующая: языки – арабский, персидский, турецко-татарский и русский; предметы: а) по религиозным наукам: толкование Корана, история пророков и религий вообще, богословие, риторика; б) по светским наукам: арифметика, геометрия, география, история всеобщая и русская, история востока, формальная логика, государственное право и мусульманское законоведение. Предметы эти будут преподаваться по учебному плану и руководствам, утвержденным Министерством народного просвещения. Преподаватели пользуются правами преподавателей среднеучебных заведений. Курс учения – восьмилетний, с одним приготовительным классом. Дети

принимаются не моложе 9 и не старше 14 лет. Преподавание религиозных предметов будет находиться под наблюдением магометанского духовного правления, а остальные – местного учебного начальства согласно существующим законам. На содержание семинарии, постройку и первоначальное обзаведение предложены: а) из свободных остатков от ежегодных доходов вакуфных имений при мусульманских мечетях на Кавказе, б) единовременное пособие из запасного капитала тех же вакуфных имений, в) взносы почетных попечителей, г) частные пожертвования, д) плата за стипендиатов городов и сельских обществ. Попечителями семинарии состоят по званию закавказские шейх-уль-ислам и муфтий; при семинарии имеется особый Попечительный совет из выборных лиц.

Проект этот пока составлен вчерне. Закавказские шейх-уль-ислам и муфтий, пользуясь своим приездом в Баку, ознакомили с проектом бакинских почетных мусульман, которые по инициативе Гаджи Зейнал Абдин Тагиева, сознавая необходимость проектируемой семинарии, открыли подписку, по которой записали пожертвований для означенной цели на сумму 53 270 руб. (список жертвователей см. ниже).

Пожертвования продолжают, так как эта сумма, конечно, недостаточна для постройки здания семинарии, но есть надежда, что состоятельные мусульмане поспешат прийти на помощь осуществлению мысли об основании училища, которое в качестве будущего рассадника даст им образованных мулл для городов и деревень, столь нуждающихся в такого рода духовных лицах.

*Т[опчибашев]
Каспий, № 29, 1905. 22 февраля*

ГАЗЕТА НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ В БАКУ

Наш город обогащается новым печатным органом: издающаяся в Тифлисе газета на татарском языке «Шярки-Рус»⁸⁵ переводится в Баку.

Как известно, газета эта стала выходить с марта 1903 г. под редакторством Мамед Аги Шахтахтинского⁸⁶, издателя газеты.

Появление в свет нового печатного органа на туземном языке ожидалось с большим нетерпением по весьма понятным причинам, ввиду той важной роли, какую играет вообще пресса в деле просвещения народных масс.

Несмотря на культурную отсталость наших мусульман или, правильнее, благодаря этой отсталости, необходимость в печатном органе для них давно чувствовалась и все настоятельнее о себе напоминала. Живя бок о бок с народностями, далеко опередившими в культурном развитии кавказских мусульман, подвергаясь, благодаря внешним и внутренним сношениям, плодотворному влиянию новых веяний и требований жизни, наши мусульмане в лице, конечно, мыслящей части не могли не сознавать, что одним из главных тормозов прогресса народных масс является отсутствие на понятном для них языке органа печати. Везде и всюду приходилось слышать, и не от одних только передовых мусульман, что без прессы на местном языке все предпринимаемые правительством, обществом и отдельными лицами благие начинания в целях просветительных не достигнут желательных результатов, так как семена

таких начинаний, в существе своем хотя и полезны, но кладутся в неведомую почву, разрыхлять и удобрять которую призвана пресса как выразительница общественного мнения и отразительница всей жизни данной местности, данного народа во всех ее проявлениях – исторических, бытовых, духовных, экономических.

Несмотря на всю инертность, мусульмане инстинктивно сознают и сознавали, что они, силою обстоятельств, зависящих и не за висящих от них, попали в заколдованное темное царство и жадно ловили всякий просвет, столь редко и случайно появлявшийся на их тусклом небосклоне...

И до сих пор еще большинство грамотных мусульман наших живо помнят газету «Акинчи»⁸⁷ («Пахарь»), издававшуюся в 1874–1877 гг. в Баку сотрудником «Каспия» Гасан-беком Меликовым. Приводя даже содержание некоторых статей этой газеты, многие хорошо помнят, как за короткое время расшевелилось стоячее болото кавказских мусульман и как будирующе действовало на них живое слово печатного органа на родном языке. Не забыто даже и то небольшое влияние, какое все же имели издававшиеся одна за другой татарские газеты в Тифлисе – «Зия»⁸⁸ и «Кешкуль»⁸⁹, которые, конечно, могли бы сослужить мусульманам большую службу, если бы попали в более умелые руки, чем г. Унсизаде⁹⁰.

Но особенно ярким лучом блеснуло в жизни наших мусульман появление в гор. Бахчисарае газеты «Гарджиман» («Переводчик»). Счастливая выпала роль на долю этой газеты, слишком два десятка лет являющейся единственным печатным органом на татарском языке для всего 30-миллионного мусульманского населения России. И надо отдать полную справедливость просвещенному и лю-

бющему свой народ руководителю крымской газеты Исмаил беку Гаспринскому, который неутомимо с пользою работает на ниве народной.

Наша газета много уделяла места выяснению того благотворного влияния, какое имел «Гарджиман» на развитие наших мусульман, повторять не будем и скажем только, что непосильность задачи – обслуживать интересы всех русских мусульман, живущих в разных полосах, хотя одинаково родственных народностей тюрко-татарского происхождения, – такая задача, конечно, не могла и не может быть выполнена одним печатным органом.

Тем не менее в течение почти четверти века крымская газета оставалась единственным периодическим органом печати на татарском языке (с русским переводом) – и все попытки, которые делались за это время в Казани, Петербурге и др. местах, с целью получить разрешение газеты, оставались безрезультатными.

Такой же участи подверглись попытки издания газеты на татарском языке и на Кавказе, причем в числе лиц, получивших отказ, были и немусульмане, как, например, инспектор татарского отделения Горийской учительской семинарии (ныне покойный) Черняевский⁹¹, который имел в виду издавать газету на татарском языке.

Лишь в самое последнее время в этом отношении поспешивилось Мамед Аге Шахтахтинскому.

Первая же весть о разрешении г. Шахтахтинскому газеты на татарском языке была встречена с радостью всеми мыслящими мусульманами. Газета «Каспий» в числе первых приветствовала «Шярки-Рус» («Русский Восток») нового собрата, поздравляя мусульман с приобретением столь могучего рычага в обновлении и развитии общест-

венно-народной жизни, как печатный орган на понятном для народных масс языке.

Но, к большому сожалению, нам пришлось, как и всему мусульманскому читающему обществу, разочароваться и печатно заявить, что газета г. Шахтактинского совершенно не оправдала надежд, которые всеми возлагались на столь желанный печатный орган. Нам пришлось отметить те роковые ошибки, в которые впала новая газета с первых же шагов не только в освещении фактов местной жизни, но и, главным образом, в несоответствии принятого газетой направления с социально-политическими идеалами мыслящей части мусульманского общества. Не будем останавливаться на ошибках и том пути, на который стал г. Шахтактинский, без разбора помещая в своем органе все, что присылалось в редакцию... То, совершенно справедливое охлаждение, какое проявили мусульманские читатели к органу г. Шахтактинского, было красноречивым доказательством той неудачи, какая постигла газету «Шярки-Рус» в руках г. Шахтактинского.

Переход такого органа печати в Баку, конечно, мы не могли бы приветствовать, если бы не последовавшее недавно заявление самого г. Шахтактинского о коренном изменении направления этой газеты.

Заявление напечатано на страницах «Шярки-Рус» и включает в себе признание собственных ошибок, что делает честь г. Шахтактинскому, так как сознаваться в ошибках никогда не поздно, особенно в подобного рода случаях. У нас нет основания не верить столь категорическому заявлению г. Шахтактинского.

Но признаемся, что все же лучшей и надежной гарантией того, что «Шярки-Рус» отныне будет стоять на высоте

своего призвания, для нас является ближайшее участие в деле этого органа нашего сотрудника Ахмед-бека Агаева.

Участие Ахмед-бека Агаева будет касаться как редакционной стороны газеты «Шярки -Рус», так и самого издания.

Читатели «Каспия» хорошо знают г. Агаева и настолько знакомы с его публицистической деятельностью, что нам нет надобности особенно распространяться.

Его познания, любовь к делу, живое перо в связи с исповедуемыми им прогрессивными идеями, служат верной гарантией, что новая газета на татарском языке пойдет по прочному пути просвещения и прогресса мусульман и для последних явится истинной оразительницей окружающей их действительной жизни, со всеми ее требованиями и недостатками, со всеми радостями и печальми.

Но для того, чтобы обыкновенный «Шярки-Рус» мог выполнять такое свое высокое назначение, необходима поддержка со стороны мусульманского общества, причем поддержка как нравственная, так и материальная.

Мы уверены, что наши мусульмане окажут такую поддержку и тем дадут возможность столь необходимой для них газете на татарском языке упрочиться и выполнить свое назначение, чего от души желаем нашему новому духовному собрату.

*А.М.-б. Топчибашев
Каспий. № 18, 1905. 23 января*

МУСУЛЬМАНЕ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

В численности своей мусульмане в России, после коренного русского населения, занимают первое место и поэтому вопрос о том, как они относятся к начавшемуся в стране освободительному движению, какую роль могут играть в будущем, представляется весьма важным.

К сожалению, суждения об этом вопросе, встречающиеся изредка на страницах некоторых столичных и местных газет, не отличаются ни объективностью, ни правильным освещением. Зависит это, прежде всего, от незнакомства как с мировоззрением, так, в особенности, с теми внешними и внутренними условиями, при которых сложилась и пребывает жизнь многомиллионного русского мусульманства. Незнакомство это явление не случайное и проходит красной нитью через всю историю русского общества, в которой мы не знаем ни одной серьезной попытки в целях сближения с мусульманами строго объективного, для культурных задач, исследования жизни мусульман, вошедших в состав Российской империи четырьмя большими царствами и десятками ханств и сюзеренных владений. Если и бывали случаи исследования жизни мусульман, то они имели место по приказанию начальства в интересах правительства, а всего чаще в целях обрусения.

На такое отношение к себе мусульмане ответили тем, что еще более обособились, а под влиянием систематически проводившихся обрусительных мер еще более замкну-

лись в свой мир, стараясь, в виде глухого протеста против произвола и поруганий правительства, сплотиться и держаться крепко старых устоев.

Не место и не время теперь разбираться в тех отношениях, которые установились между правительством и мусульманами в России. Достаточно сказать, что эти отношения не могли привлекать сердца мусульман к тем, кто старался убить в них все живое, искусственно задерживать их духовно-нравственное и экономическое развитие, создавать для них бесправное положение путем установления целого ряда изъятий и ограничений в пользовании гражданскими правами, в общественной деятельности, в отношении религии.

Боже, сколько потрачено на протяжении сотен лет сил, энергии, материальных средств, чтобы отвратить последователей ислама от их религии, и все это только для того, чтобы в светлый и знаменательный для всей России день 17 октября⁹² услышать: «Всяк на земле русской да исповедует свою веру как хочет».

Крик радости вырвался, мы в том убеждены, из души каждого мусульманина и не потому, что ему дана свобода вероисповедания, а потому, что с признанием этого великого принципа отпадает стимул, который является краеугольным камнем во всех отношениях правительства и общества к мусульманам: отныне последние не только «нехристиане», но такие же русские граждане. Этим началом свободы совести отныне отпадает тот исключительно вероисповедный взгляд, которым проникнуто законодательство, администрация и даже, судя по отношению к мусульманам, общество. Этот-то взгляд, получивший у нас роль своего рода крестового похода против мусульман

России, и был источником всех зол, сыпавшихся на головы мусульман сотни лет.

Вот где причина радости мусульман, вот почему манифест 17 октября они должны были встретить с энтузиазмом, ибо для них это настоящее освобождение от духовно-нравственного гнета.

Повторяем, что не в чисто религиозной стороне здесь дело; наоборот, провозглашенная свобода совести потому и дорога для мусульман, что она отныне устраняет делавшееся до сих пор строгое различие именно на религиозной почве. Отныне открывается и для них общая арена для разумной социально-политической жизни на началах гражданской и политической свободы.

Подобно всем народностям России, и мусульмане, нет сомнения, внесут свою лепту в дело освободительного движения своим сочувственным отношением и солидарною деятельностью в рядах тех передовых русских элементов, которые с честью начали борьбу за общее дело и так славно пока завершили его получением акта 17 октября.

Правда, мусульманские массы в общем еще очень отстали и слишком вели обособленную жизнь, но благотворные начала гражданской и политической свободы сами по себе настолько жизненны, что народные массы, найдя в них прекрасную школу, не замедлят также признать в этих началах значение действительных жизненных благ. Примеры народов, стоявших тоже на низшей ступени развития в культурном отношении, но охотно и скоро воспринявших и оценивших весь смысл гражданской и политической свободы, служат лучшим подтверждением сказанного. Конечно, и среди мусульман, как и среди русских, армян, грузин, есть и будут не сочувствующие новому строю

жизни, но это отрицательные элементы, против которых остальным придется вести борьбу такую же, какая ведется с основания мира между добром и злом, светом и мраком. Одаренный же разумом человек не может не познать, насколько он делается силен, обладая возможностью свободно высказывать свои мысли, собираться с единомышленниками для общих дел, образовывать с ними союзы для борьбы против общего врага, участвовать в законодательстве страны, контролировать ее правителей.

В этом нет и не может быть препятствий ни в мировоззрении мусульман, ни в их религии, ни в шариате.

На страницах «Каспия» много говорилось о том, что, вопреки установившемуся мнению, религия магометанская в своих догмах зиждется на тех же великих принципах мира, добра, любви и справедливости, что эти высокогуманные этические начала исламом положены в основание человеческого общежития и для каждого мусульманина являются руководящими в жизни. Из этих же принципов исходит и шариат, содержащий в себе кодекс религиозных и социально-гражданских правил. Для мусульман непреложны лишь правила, касающиеся догматов веры, все же остальные, преподанные для урегулирования гражданско-правовых и социальных отношений, эволюционируют в соответствии с потребностями жизни.

Серьезным препятствием к усвоению мусульманами начал нового социально-политического строя может быть неподготовленность и вообще культурная отсталость мусульманских масс. Но в этом отношении, к сожалению, народные массы в России мало отличаются, и не их в этом вина; мусульманским народным массам, как и остальным, до сих пор давали вместо хлеба камень, всячески задержи-

вая их духовно-нравственное и экономическое развитие. Теперь наступила светлая эра, когда в каждом гражданине России признаны его человеческие права независимо от принадлежности к той или другой вере, национальности. Мусульмане также подпали под благотворное влияние начавшегося в России освободительного движения. Сейчас же, после опубликования манифеста 18 февраля⁹³, давшего всем общественным группам возможность говорить о своих нуждах, мусульмане всех областей начали подавать петиции, в которых выставляли требования социально-политического характера, а съезд мусульман в августе настоящего года в Нижнем Новгороде принял такую резолюцию: «Необходимо и своевременно сближение мусульман всех областей России на почве общественно культурных и политических запросов и задач современной русской жизни; в достижении и осуществлении этих задач прогрессивная часть мусульман, разделяя идеалы передового русского общества, действует в смысле установления в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении государством».

Светлый день 17 октября окрылит надежды мусульман на возрождение гражданского и политического строя России, и могучей волной пробудив в них общественное самосознание, даст им силы для общей созидательной работы и борьбы за упрочение в стране незыблемых основ гражданской и политической свободы.

А.М.-б. Топчибашев
Каспий, № 216, 1905. 9 ноября

ЭРА ВОЗРОЖДЕНИЯ МУСУЛЬМАН

При необычайных условиях сегодня миллионы мусульман встречают свой Орудж-байрам, которым заканчивается тридцатидневный пост в течение месяца Рамазана.

Это – наиболее чтимый во всем мусульманском мире праздник, и прежде всего по тому внутреннему значению, каким он пользуется у всех последователей ислама. В высокопоэтических словах священная книга мусульман аль-Коран говорит о духовном значении месяца Рамазана. В этом разъяснении глубоко назидательная философия, обнимающая духовную природу человека: неизмеримо великом назначении человека на земле; на нем лежат высокие обязанности по отношению к себе, к окружающим, ко всему живущему, ко всей вселенной; блюдет ли он великие начала любви, добра и мира; руководится ли человек в своей земной жизни теми гуманными принципами, которые, будучи небесного происхождения, заповеданы миру, всем людям и должны служить для них путеводной звездой. Повседневная жизнь со всеми ее мелочами настолько занимает человека, что он не в состоянии, находясь в круговороте ее, давать себе отчет в своих действиях в выполнении тех высоких обязанностей, которые на него возложены как на разумное существо. Для такой самопроверки необходимо духовное воздержание, в течение которого человек мог бы углубиться в свой духовный мир, вопрошать свою совесть и проверить самого себя и отношения к людям. Это состояние борьбы тела с духом, всех дурных че-

ловеческих инстинктов и страстей с великими принципами любви и истины, и в ней, в такой борьбе, каждый должен закалить себя и тем обеспечить торжество духа над телом, ведущее всегда к победе добра над злом, света над мраком.

Чуждый в то же время аскетического взгляда на жизнь, ислам в такой победе и есть единственный и действительный путь к человеческому самоусовершенствованию. И счастлив тот мусульманин, который из такой борьбы духа с телом выходит нравственно удовлетворенным и может встретить Орудж-байрам со словами: «В течение тридцати дней Рамазана я ограничивался не только тем, что воздерживался днем от пищи и питья, но проверял свои действия перед совестью, сказавшей мне, что я живу на земле, не нарушая великих заповедей любви и правды, что я никому не делаю зла, не кривлю душой, исполняю обязанности семьянина, члена общества, гражданина, человека!»

Много ли таких счастливых?

Среди миллионов русских мусульман их совсем мало, как мало таких и среди других народностей России. И главная причина – это те антисоциальные условия, в которых протекало жалкое существование каждого русского гражданина, а так называемого инородца в особенности. Сгнивающий теперь полицейско-бюрократический режим опутал в числе остальных и миллионы мусульман в такие сети беззакония, полного произвола продажной администрации и суда, при систематическом уничтожении даже малейшего проблеска мысли, инициативы и самосознания, что наши мусульмане, обезличенные и запуганные, должны были делать очень большие усилия, чтобы окончательно не впасть в полное невежество и отчаяние. И заслоненные искусственными мерами «патриотов-миссионеров» от дейст-

вий живительных лучей просвещения, мусульмане в России более других народностей терпели и страдали от порядков старого строя, задыхаясь в удушливой атмосфере, насыщенной, благодаря заботливым трудам мракобесов и чело-веконенавистников всех рангов и положений, антирелигиозными и антинациональными ядами.

Естественно, что в такой зловредной атмосфере не могло быть подходящей почвы для успешной борьбы духа над телом, и каждый мусульманин, несмотря на глубоко нравственное значение духовного воздержания в смысле самопроверки, мог по шаблону исполнять лишь внешнюю обрядовую сторону поста. Да и как он мог научиться проникнуть в истинный смысл этого начала, когда он был лишен возможности читать Коран и иметь грамотного муллу. Где ему было проникнуться нравственными идеалами, когда кругом было царство лжи, обмана, насилия, беззакония, преследований; когда те, кому была вверена судьба населения, первые подавали примеры нарушения законов, приучая население к подкупам и лжесвидетельству, толкая людей на преступления. Подходящую почву для нравственного усовершенствования, как и для обновления жизни всех русских граждан, может дать лишь освободительное движение, стремящееся с корнем уничтожить давно уже полусгнившие устои старого режима.

Вот почему и для мусульман в России теперь настала эра действительного возрождения; и они могут начать дышать легче и более чистым воздухом; и они уже должны приступить к полному реформированию своей жизни на началах гражданской и политической свободы.

Мы уже говорили в статье нашей «Мусульмане в освободительном движении» и повторяем, что свободы, про-

возглашенные 17 октября, особенно дороги для мусульман, находившихся столь долгое время в состоянии полного бесправия, и что поэтому они одинаково заинтересованы в получении действительных гарантий, обеспечивающих разумную свободную жизнь на выработанных культурным человечеством началах.

Отсюда вывод, что мусульмане также должны примкнуть к прогрессивным элементам русского общества и вместе с ними отстаивать гражданскую и политическую свободу, памятуя, что счастье и благополучие мусульманских масс тесно связаны с счастьем и благополучием всего русского народа, с которым мусульмане всегда жили в мире и согласии.

Для наших мусульман также открывается обширное поле деятельности к свободной культурной жизни во всех ее проявлениях. Правда, не возделано это поле, даже почти девственно для мусульман, но тем более им надо спешить воспользоваться историческим моментом, чтобы высказать себя достойным членом возрождающегося на началах свободы русского общества. Природные задатки и нравственные качества души служат порукой, что мусульмане наши не отстанут от общего освободительного движения. Интересы общего отечества, интересы нашего государства, наконец, интересы национальные требуют этого от всех русских мусульман.

В этом отношении их деятельность и борьба за разумную свободную жизнь может оказать большое нравственное влияние на население соседних мусульманских государств – Персии и Турции. Нет сомнения, что жизнь свободной могущественной России отразится на этих странах, правительства которых, если хотят понимать интересы

своих народов и самим окончательно не погибнуть, должны переустроить образ правления и весь государственный порядок на началах гражданской и политической свободы со всеми конституционными гарантиями. Уже мы получили из Персии отголосок этого благотворного влияния: в столице Ирана, как сообщает Петербургское телеграфное агентство, началось брожение на почве неудовольствия персидского народа против тегеранского правительства, а духовенство открыто громит в своих проповедях существующий в Персии государственный строй.

Не менее важным представляется отголосок в жизни оттоманского правительства: турецкий султан свой категорический отказ державам на введение финансового контроля в вилайетах Македонии мотивировал несогласием на это со стороны турецкого народа. Какие-бы последствия такой отказ ни повлек, важно то, что из уст автократа, полновластного по положению монарха, мы слышим указание на согласие или несогласие населения; иными словами, признание воли народа.

Это все знамение времени, в котором мы видим наступление эры возрождения наших мусульман.

А.М.-б. Топчибашев
Каспий № 221, 1905. 16 ноября

НОВЫЕ ЖЕРТВЫ

Не успели еще прийти в себя от ошеломившей нас недоброй вести о елисаветпольских событиях, как мы вновь повержены в глубокую скорбь грустным сообщением, полученным на этот раз из Тифлиса. Здесь также имели место прискорбные столкновения между армянами и татарами, начавшиеся вечером 22 ноября и продолжавшиеся утром следующего дня.

Менее всего можно было ожидать таких столкновений именно в Тифлисе, где татарское население составляет в количественном отношении самую незначительную часть и вследствие неблагоприятно сложившихся условий почти не принимает участия в общественной жизни огромного города; лишь в самое последнее время небольшой кружок татарской интеллигенции начал вступать на арену общественной жизни, действуя солидарно с местными передовыми элементами. Мы радовались этому, видя в нем начало благотворного влияния на тифлисских татар освободительного движения, к которому примкнул, в том мы уверены, все мусульманские элементы.

К глубокому огорчению, появившиеся над Тифлисом кровавые тучи национальной распри омрачают нашу радость, и тем более, что в этом городе как главном пункте всего Кавказа сплетаются общие интересы всех народностей, правильная оценка и надлежащие удовлетворение коих возможны лишь при спокойной мирной жизни. Бакинец может не бывать в Елисаветполе или Шуше, но ми-

новать Тифлиса он не в состоянии: тут сосредоточены и получают разрешение общие для всего края вопросы; сюда стекаются представители всех кавказских народностей; здесь же будут функционировать общекавказский сейм и все учреждения представительного характера, необходимые для водворения в крае новой жизни на началах гражданской и политической свободы.

Вот почему имевшие место в Тифлисе печальные события жгучей болью отзываются в наших измученных израненных душах. Хоть этот общий для всего края центр надо было оставить чистым, не орошенным невинною кровью сынов Кавказа! Как сообщают тифлисские газеты, в течение нескольких часов убито и ранено два десятка татар и армян.

Новые невинные и ненужные жертвы! Кровь несчастных вопиет к нам, ко всем кавказцам, ко всем, в ком хоть теплится искра Божья!

Армяне и татары, пожалейте своих сограждан, себя, свои семьи, свой край. Ведь эти жертвы ваши же братья, сыны общей родины, дети одного и того же Бога! Ведь и они хотели жить и участвовать в общем святом деле освобождения миллионов людей от рабства! Ведь и они были созданы по образу и подобию Бога, а они принесены в жертву в угоду злому гению Кавказа, с сатанинском торжеством любующемуся, как губительный для всех яд национальной распри разъедает вес организм чудного края. И это в тот момент, когда все кавказцы от мала до велика, должны сплотиться и общими силами вести свою страну по пути освободительного движения!

Так ли отстаивают народные права и борются за свободу?

Время ли ослаблять свои силы? Ведь это позор для всех, для армян и татар перед всеми борцами за свободу, перед всей Россией, перед всем миром!

Правда, теперь настало время жертв, но не для бессмысленной распри, а для общего дела освобождения!

Кто же и что же толкает нас в бездну, готовит нам вместо свободной жизни ад?

Провокация?!

Так соединитесь же все, армяне и татары, все слои, все классы, все партии, откроем провокаторов, пригвоздим к позорному столбу, уничтожим и сотрем их с лица нашей вконец исстрадавшейся земли.

Кто же они, эти злые духи, чего хотят от нас, к чему стремятся?

Неужели мы хоть теперь не соединим силы, чтобы не дать злему врагу окончательно нас погубить, и не огласим окружающий нас воздух, небо и свет единодушным возгласом.

Долой провокаторов! Довольно жертв, мы хотим беречь силы для свободы нашего Кавказа!

А.М.-б. Топчибашев
Каспий, № 230, 1905. 27 ноября

К ПОЛОЖЕНИЮ КАВКАЗСКИХ МУСУЛЬМАН

Хаотическое состояние, в котором вот уже два года пребывают общие дела русского государства, особенно тягостно продолжает отзываться на жизни окраин.

Будучи в течение веков объектом всякого рода преследований и репрессий, преследовавших цели обрусения, туземное население окраин, разные «инородцы и иноверцы», естественно, должны были встретить и встретили царский манифест о свободах особенно радостно. Столь торжественное и авторитетное возвещение о твердом решении верховной власти преобразовать общественно-государственную жизнь страны на началах гражданской и политической свободы наполнило сердца этого населения счастьем и надеждами на скорое избавление от тех порядков полицейско-бюрократического режима, под гнетом которого сугубо страдали жители окраин, поставленных по соображениям и видам «высшей политики» правительства в положение пасынков России. Всем на окраинах казалось, что миновала мрачная эпоха беззакония, административного произвола и притеснений туземцев за их политические, религиозные и пр. убеждения, сливавшихся в глазах окраинных сатрапов и их агентов в одно жупельное понятие «сепаратизм»... И окрыленные надеждами на лучшее будущее жители окраины, естественно, должны были сделаться яркими сторонниками освободительного движения как символа победы света над мраком, добра над злом.

Но... тем пагубнее для них оказался тот крах, который потерпела возвещенная русская свобода на заре своей молодой жизни. Тем сильнее было разочарование, когда так скоро обнаружилось, что радость, навеянная весть о свободе была преждевременной, мимолетной, заменившейся вновь печалью, казалось, минувших дней.. Увы, дни эти вернулись, и жизнь на их протяжении стала еще более отратительной, беспросветной...

Разразившаяся над всей страной реакция зловеще нависла над окраинами и еще более заразила подточенный старым режимом их истстрадавшийся до изнеможения организм.

– А-а, вы, значит, действительно тоже хотели свободы, – злорадствовало чудовище, – погодите еще...

И пошли погромы, поджоги, грабежи, убийства, резня – с одной стороны, обыски, аресты, высылки, казни, карательные экспедиции, расстрелы и военно-полевые суды – с другой стороны.

Для объяснения «причин» были выдвинуты из арсенала старые средства: «Революционные стремления, сепаратистические цели, национальная распря, религиозная и экономическая вражда одной части населения к другой».

Диагноз поставлен и идет знахарское лечение вовсю с частым применением такого сильного средства, как военно-полевые суды... Лечение до того быстрое и энергичное, что мы все ошеломлены и растерялись, потеряв обыкновенную способность разбираться во всем происходящем. И не нам в таком угнетенном состоянии оценивать с должной объективностью все значение совершающихся фактов, все недостатки и, быть может, достоинства поставленного диагноза и способов лечения. Предоставим это будущему

историку, которому несравненно будет легче ориентироваться в наших сумбурных днях и, отрешившись от ощущения обидной горечи и нестерпимой боли, нами испытываемых сейчас, произвести свой беспристрастный суд над нашими теперешними врачевателями.

Мы же хотим обратить внимание читателей на положение нашей окраины, нашего многострадального Кавказа, над которым не перестает витать злой дух.

Вынося на себе наравне с остальными частями империи все удары нынешней судьбы России, наш край оказался в сугубо несчастном положении благодаря местному бедствию, разразившемуся над Восточным Закавказьем в виде печальных столкновений между армянами и мусульманами. Хотя, к великому счастью обоих народов, в последние дни не слышно никаких проявлений столь пагубных столкновений, но мы не можем еще считать себя освободившимися от разрушительной силы, наведшей ужас на весь край и продолжающей держать нас в постоянной тревоге за участь завтрашнего дня. Такое состояние настолько овладело нами, что оно стало даже нормальным: тревога, отчаянно безнадежное беспокойство – вот что читается в глазах каждого закавказца.

– Конец ли всему этому, Аллах великий!

В таком растерянно-тревожном состоянии, весьма естественно, мысль сосредоточивается только на одном предмете, а все остальные вопросы дня и вообще текущей бурной жизни не производят впечатления и к ним у нас прислушиваются мимоходом, инстинктивно. Особенно таково настроение у наших мусульман, у большинства их. У всех замечается какая-то боязнь даже думать о чем-нибудь

другом, кроме разразившегося несчастья, все говорят о неисчислимом вреде от происшедших столкновений.

– Я считаю, что уже умер и никогда не заживу, как человек, – оплакивает в письме к нам свое положение один разорившийся житель Елисаветпольской губернии.

Вполне, конечно, естественны слезы человека, потерявшего все, добытое упорным трудом, но столь же естественно и требование, чтобы остающиеся силы израсходовать не на бесполезное нытье и жалобы, а на возможное устранение печальных последствий этих событий, равно как и на то, чтобы сделать повторение столкновений невозможным.

Задача не легкая, но ее должно поставить на свое разрешение все мусульманское общество. И в разрешении этой задачи более чем необходимо применение принципа – «в единении сила». Но, к сожалению, осуществление этого великого рычага всех общественных дел весьма затруднительно среди мусульман благодаря, прежде всего, отсутствию у них каких-либо организованных обществ и союзов. Даже «благотворительные общества» имеются пока в двух городах.

Вот почему единственно возможным способом для разрешения этой задачи, при настоящих условиях, представляется съезд кавказских мусульман. На этом съезде представители разных местностей края, выяснив степень и размеры нужды пострадавших от столкновений, обсудят вопрос о помощи, а также о средствах, которые могли бы положить предел этим кровавым столкновениям.

Нет сомнения, что на этом же съезде выяснятся и другие нужды кавказских мусульман и в числе их вопиющий о себе по безусловной важности вопрос о начальном образо-

вании и вообще вопрос о просвещении мусульман. В этом отношении уже имеется и готовый материал в виде постановлений двух мусульманских съездов, состоявшихся в августе этого года: Третьего Всероссийского мусульманского съезда⁹⁴ в Нижнем Новгороде и Общекавказского съезда учителей⁹⁵ мусульмани в Баку. Вопросы о тех или иных способах применения постановлений этих съездов, их практическое значение в разрешении дела просвещения мусульман, материальная сторона этого дела и т.п. – все этого могло бы служить предметом весьма полезного обсуждения на предлагаемом съезде кавказских мусульман. Существенным для съезда вопросом было бы и дело преобразования управления духовными делами кавказских мусульман. Мнение съезда мусульман по этому вопросу тем более имело бы значение, что преобразование духовной части мусульман стоит на очереди.

Словом, вопросы для программы съезды готовы, они указываются самой жизнью и нам кажется, что в получении разрешения наместника Е.И.В. на Кавказе нельзя сомневаться прежде всего потому, что обсуждение и разрешение вопросов, вроде намеченных, прямо в интересах самого кавказского начальства.

Ознакомление же с взглядами мусульман на эти и им подобные вопросы, помимо огромной пользы, не может не входить в программу графа Воронцова-Дашкова, еще при вступлении своем в управление краем отметившего в своем воззвании к населению Кавказа необходимость совместной работы с общественными элементами.

Что же касается до места съезда, то самым подходящим по центральности положения является город Елисаветполь.

Признавая съезд кавказских мусульман весьма назревшим, мы уверены, что при настоящих условиях только этим путем возможно прийти на помощь в деле разрешения весьма жизненных для кавказских мусульман вопросов.

Т/опчибашев/
Каспий, № 218, 1906. 12 октября

К ПЕРСИДСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Помещенное во вчерашнем номере «Каспия» интервью с интеллигентным персиянином подкрепляет уверенность, что конституционный путь, на который Персия вступила, будет этой страной пройден до конца и с успехом.

Это обстоятельство тем более достойно быть отмеченным, что не только заграничная, но и русская печать встречали не иначе как с улыбкой первые известия о персидской конституции и персидском парламенте⁹⁶. Всем казалось, что разыгравшиеся несколько месяцев тому назад в Тегеране события в виде явного выражения неудовольствия персидского духовенства и купечества, будучи лишь выражением протеста группы отдельных сословий, не имеют серьезного значения. Наша печать стеснялась это движение называть не только революцией, но даже освободительным движением.

Последовавшие вскоре рескрипт шаха об учреждении национального собрания, обнародование положения об этом собрании, выборы депутатов и открытие самого собрания должны были убедить, насколько ошибочен был такой взгляд на события в Персии.

Причина ошибки и в данном случае не столько в скудности сведений, которые сообщались о фактическом положении вещей в Персии и, в частности, в ее столице, сколько главным образом в шаблонном взгляде на условия жизни восточных государств, в обычном незнании с их действительными нуждами, с бытом и духовным складом их народов.

По укоренившемуся мнению, восточные государства давно обречены на гибель, народы их сыграли свои роли и все стремления цивилизованных держав должны соединиться к возможному изолированию культурных обществ от пагубного влияния разлагающихся элементов Востока. Какие самими цивилизованными странами на почве этих стремлений проявляются дикие инстинкты и большие аппетиты – это пока оставим в стороне. Нам важно отметить, что, по установившемуся взгляду, народы Востока, как обреченные на гибель, признаются не поддающимися влиянию культурных начал и форм общежития, выработанных европейской цивилизацией. И в виде общей причины подобного явления, по крайней мере, в отношении мусульманских государств, выставлялась религия Ислама, будто преграждающая своими тесными теократическими рамками всякие пути к культурному развитию, к умственно-нравственному прогрессу. В особенности для этих государств чуждыми казались западноевропейские идеи народовластия. От природы покорные, забитые, верящие в фатализм, восточные народы считались рожденными лишь для деспотических монархий, а потому весьма далекими от начал выборного народного представительства и конституционных учреждений.

Одно лишь незнание с Исламом могло породить такой ошибочный взгляд радикально противоречащий всему духу учения великого основателя Ислама; эта простая народная религия сама создалась и получила развитие на выборном начале еще при первых халифах. Отвечая жизненным потребностям объединенных мусульманских обществ, Ислам выдвигал и санкционировал начало общественного обсуждения и контроля всех вопросов публич-

ного права. Заведывание общественным имуществом, порядок призрения бедных, отправления правосудия – все эти требования Ислама исходят из понятий о народовластии, и, следовательно, ни в каком случае нельзя видеть в Исламе учение, идущее вразрез с этим понятием. Напротив того, сами восточные государства, или вернее, их правительства, устанавливая у себя жесткие и несправедливые порядки деспотического образа правления, тем самым нарушали гуманные требования Ислама.

Но порядки эти вводили и поддерживали в своих интересах лишь правительства, народы же восточных государств только вынужденно их терпели, но никогда не сочувствовали и не могли сочувствовать порядкам деспотических монархий, представляющих из себя явно антисоциальные формы общественно-политического строя.

Недовольство народных масс против правительства всегда было, но, по создавшимся условиям жизни, не проявлялось или редко проявлялось наружу, пока не переполнилась чаша терпения даже у «покорных» народов.

Открытые протесты отдельных лиц и различных групп, подпольная литература и национальные издания за границей, смело бичующие пороки правительства, образование таких кружков, разросшихся затем в большие политические партии, как «младотурки»⁹⁷, «младоперсы», частичные восстания – все эти явления, знаменующие собой начало революционных движений, имели место в жизни восточных государств в течение последнего полстолетия все чаще и чаще.

Но все эти явления, взятые каждый в отдельности, казались не имеющими серьезного значения и наша печать

была далека от того, чтобы смотреть на них как на начало важных событий.

К счастью для восточных государств, такой взгляд печати оказался неверным. Теперь необходимо признать, что если в этих государствах и есть что-либо обреченное на гибель, то это их правительства, всевластные и тиранические до сих пор.

Теперь смело можно сказать, что песня правительств восточных государств, высосавших все соки своих народов, уже спета.

Начало этого отрадного спасительного явления мы видим в Персии. И это вполне естественно. Имеющий свою славную историю, глубоконазидательную литературу, свою когда-то блестящую национальную культуру, персидский народ должен был выступить первым в авангарде освободительного движения восточных народов. Этот от природы даровитый и восприимчивый народ раньше всех на Востоке должен был выставить лозунг: «Долой тиранию, корыстолюбивых и продажных правителей! Да здравствует свобода и народное представительство!».

И вот до нас уже явственно доходит этот народный крик нашей соседки, наполняя наши сердца великой радостью. Это уже властное требование всего персидского народа, не того, который падал ниц перед своими угнетателями, а того, который готовится к борьбе с последними, кто бы они ни были: алчные правители, подкупные судьи, недостойные улемы.

Мы уже видим проявления этой славной и чреватой последствиями борьбы персидского народа против своего бесславного продажного правительства.

Во вчерашнем интервью интеллигентный персыанин

нам поведал о таких фактах, которые явно говорят о революционном настроении персидского народа. В самом деле, заставить одного из влиятельных в Хорасане духовных лиц подчиниться требованию прогрессистов, и на многолюдном собрании народа решить не допустить въезда в Мешхед бывшего первого везира Персии, и привести это в исполнение – недостаточно ли это свидетельствует о настроении современных персиян. Но еще большее значения имеет пропаганда идеи о свободе, народовластии, которая, как видно из того же интервью, ведется весьма удачно и энергично. В видах большей яркости новых идей деятели пропаганды должны начать, конечно, с критики существующего в Персии режима. За доказательствами нет надобности ходить далеко: вот полувековое царствование покойного Наср Эддин шаха⁹⁸.

«Что он сделал для персидского народа? Ровно ничего.» Так и все они: царствовали, т.е. жили в свое удовольствие, обременяли народ налогами, да еще над этим же народом, на счет которого они жили и живут, производили всякие насилия, беззакония, безобразия.

Народ уже очнулся, и по-прежнему правительству нельзя его обманывать. Народ понял свои интересы и стойко их готов защищать.

Первые шаги персидского парламента являются доказательством сказанного.

Вот что пишет об этом тегеранский корреспондент парижской газеты «Temps»⁹⁹.

«Персидское правительство предложило было парламенту проект регламента, в силу которого палата депутатов может быть распущена сенатом по соглашению с шахом. Но депутаты его не приняли. Они нашли учреждение

сената в настоящее время лишним, ненужным и считают необходимым заручиться серьезными гарантиями на случай роспуска, требуя, чтобы назначен был, по крайней мере, определенный и притом возможно короткий срок для созыва новой палаты. «И вы не боитесь вызвать таким образом серьезный конфликт с правительством?» спрашивает журналист. – «Нет, конфликт очень маловероятен. К тому же, поступая таким образом, мы считали необходимым заявить о своих правах и точно определить их».

Тот же корреспондент сообщает, что хотя депутаты персидского парламента еще не успели образовать определенные партии, но почти все они принадлежат к прогрессистам. «И когда один из них, высокопоставленное лицо, поднялся на защиту "вековых прерогатив короны", остальные встретили его речь свистками и оглушительным шумом».

Итак, Персия вступила на славный путь конституционного государства, и на этом пути искренно желаем ей полного успеха.

*Т[опчибашев]
Каспий, № 265, 1906. 10 декабря*

ПАМЯТИ ИСМАИЛ-БЕКА ГАСПРИНСКОГО

Умер Гаспринский.

Не стало того, чье имя было наиболее популярным среди мусульман не только России, но и за рубежом, который в течение полувека стойко и безропотно держал в руках светильник, указывавший мусульманам путь к знанию, прогрессу, общественному самосознанию.

Неумолимый рок безжалостной рукой погасил этот светильник и тем вверг мусульман в глубокую печаль.

И скорбь эта тем более велика, что мусульмане так еще бедны общественными деятелями, искренно преданными интересам своего народа... Сейчас неким заменить незабвенного Исмаил-бека Гаспринского!

Еще с 1868 г. сначала крымские татары, а вскоре мусульмане других местностей видели и знают Гаспринского ратующим за культурно-просветительные интересы мусульман, начиная с скромной речи народного учителя, которую покойный занимал в Крыму в течение четырех лет.

В 1872 г. он выехал за границу для пополнения своего образования, побывал в восточных странах (Алжире, Египте, Турции) с целью изучения восточных языков.

По возвращении в Крым, Исмаил-бек был первым городским головою родного своего города Бахчисарая.

Но все это время он был занят мыслью об издании газеты на татарском языке. Однако попытки издавать газету («Мектеб», «Полезное развлечение»)¹⁰⁰ и выпуск отдель-

ных листков под разными названиями без определенной подписки – не имели успеха, пока не было Гаспринским получено разрешение на издание русско-татарской газеты «Терджиман» («Переводчик»).

10 апреля 1883 г. – день выпуска в свет первого номера «Терджимана» в глазах мусульман получил значение исторической даты; празднование десятилетий этого дня (особенно в 1893 и 1903 гг.) свидетельствовало о том, что сознание значения печатного органа, как могучего фактора в деле просвещения народных масс, все более и более завоевывает себе место среди мусульман.

С этого времени Исмаил-бек, попав в настоящую свою колею, становится средоточием общемусульманской жизни, и в маленьком городе Таврической губернии – Бахчисарае, как в фокусе, преломляются лучи всех скольконибудь заметных явлений этой жизни.

Богато одаренный от природы и с любвеобильным чутким сердцем, наш Гаспринский умел концентрировать интересы и внимание мусульман, особенно передовой их части, отзываясь, когда этого требовали нужды и польза мусульман, в необходимой, всегда умеренной, корректной форме, на назревшие запросы, освещая последние своим пытливым умом, знанием жизни мусульман.

Болея искренно за культурные недостатки мусульман, покойный всегда стоял на страже их интересов и самоотверженно боролся как против этих недостатков, так и против несправедливых нападок на мусульман.

Эта роль защитника особенно шла к Исмаил-беку: он выступал в ней и в начале своей общественно-публицистической деятельности, и на зените своей славы как всеми

признанный руководитель мусульманского общественного мнения.

Это он, Исмаил-бек Гаспринский, выступал в своем маленьком еженедельном «Терджимане» против громовых антимусульманских статей грозных в реакционные восьмидесятые годы «Московских ведомостей»¹⁰¹.

Пусть лишь сотнями считались подписчики этой маленькой «газетки», пусть бывали даже случаи обратного возвращения посылавшихся даром номеров газет, пусть, при отсутствии подписчиков и помощников, сам редактор-издатель Гаспринский совместно с отошедшей в вечность подругой своею Хадиджа ханумой делал всю черную работу издания газеты, оставляя благородное перо свое, чтобы заниматься резкою бумаги для газеты, складыванием, обандероливанием и экспедициею газеты, пусть много шипов приходилось переносить от цензуры, находившейся сначала в Петрограде, а потом в Симферополе, но все же и «Московские ведомости», и «Новое время»¹⁰², и исламовед профессор Смирнов¹⁰³, и недавно умерший Череванский¹⁰⁴ et tutti quanti – все получали от «Терджимана» достойный ответ в спокойном и умеренном тоне, который был так свойственен перу покойного.

И мусульмане знали, что ни одно несправедливое и неверно против них сказанное слово не останется без должного ответа и что «Терджиман» ответит, считая название газеты синонимом самого его редактора-издателя.

Эта заслуга Гаспринского была отмечена уже в 1893 г., когда мусульмане во многих городах, в том числе в Тифлисе, Баку и др., праздновали первое десятилетие своего «Терджимана».

Лишь к этому времени число подписчиков доходило до 1600!

Это было самое больное место: «нет подписчика, нет читателя» – говорил Исмаил-бек, но не жаловался, так как верил в свое дело, рассчитывал на отклики из среды народа, еще мало сознательного... Зато увеличивались ряды добровольных корреспондентов; и писали в «Терджиман» лица всех положений: приходский мулла, народный учитель, купец-толстосум.

В условиях мусульманской действительности покойный находил нужным поддерживать отношения на местах не только письменно, но и личными посещениями. Нет места с преобладающим мусульманским населением, куда бы не ездил Исмаил-бек; мусульмане внутренних губерний России, Туркестана, Кавказа встречали у себя редактора-издателя «Терджимана». И всякий раз, после его отъезда, основывалась школа или какое-нибудь иное просветительно-культурное и благотворительное учреждение.

Везде и всюду Исмаил-бек Гаспринский проводил те же цели, что были и остались заветами «Терджимана». А цели эти (привожу из письма покойного ко мне в апреле 1893 г.) «просты и ясны: правильное воспитание русских мусульман на родном языке; развитие популярной литературы; возможное распространение русского языка, науки и культуры среди русских мусульман и тесное сплочение их с русскими на почве науки и материального прогресса».

Особенно плодотворна была деятельность его, направленная на реформирование мусульманских первоначальных школ – «мектебов». Знакомый с делом преподавания вообще, И.-б. Гаспринский еще в 1885 г. открыл в

Бахчисарае мектеб сначала для мальчиков, а затем для девочек. Обучение в них шло по учебнику, составленному самим же Гаспринским по звуковому методу.

Блестящие результаты этих образцовых школ были причиной того, что подобные школы, названные новометодными, стали появляться и в других местах, преобразовываясь из мектебе старого типа.

Теперь целая сеть таких мектебов, и не только у русских мусульман, но и у мусульман зарубежных.

В деле развития популярной литературы «Терджиман» также повлиял на обогащение мусульманского книжного рынка появлением многих изданий по разным отраслям наук, и в частности обучения в школах.

Миллионы рублей, пожертвованных добрыми людьми на благотворительное учебное дело, открытие тысяч реорганизованных мектебов, в коих введен звуковой метод, сотни изданий и переводов литературного и научного характера, ряд благотворительных учреждений, а в последнее время популяризация идеи кооперации, взаимопомощи и сберегательных учреждений – вот результаты плодотворного влияния деятельности поистине незабвенного для мусульман Исмаил-бека Гаспринского.

В такой своей деятельности Гаспринский с благодарностью всегда вспоминал ныне покойного Гасан-бека Меликова-Зардобского, считая его первым пионером в деле мусульманской общественности и просвещения.

Как обожали мусульмане покойного Исмаил-бека, можно было видеть на мусульманских съездах, на которых он всегда играл видную роль.

Потеря такого человека, как Исмаил-бек Гаспринский,

для мусульман велика, понятна их скорбь, но да послужит утешением его славная деятельность на пользу мусульман, из коих каждый над свежей могилой скажет:

«Спасибо тебе Исмаил-бек, за то, что, стоя на страже интересов своего народа, сделал все, что мог!.. Ты родился человеком, жил человеком и умер им!»

А. М. б. Топчибашев
Каспий, № 204, 1914. 13 сентября

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ **«Каспий»** – ежедневная русскоязычная общественно-политическая газета. Выходила в Баку в 1881–1919 гг. В 1897 г. редакция и типография газеты были куплены известным меценатом Г.З. Тагиевым и предоставлены представителям азербайджанской интеллигенции во главе с А.М. Топчибашевым. Газета последовательно защищала интересы азербайджанских тюрков и была популярна в обществе как мусульманский «Каспий».

² Правитель канцелярии бакинского губернатора в ноябре 1901 г. сообщил в Петербург в Департамент полиции, что лицами, выступающими в качестве авторов новаторских сочинений, являются несколько мусульман, проживающих в Баку. В приведенном списке первым упомянут А.М. Топчибашев, а далее указывались: А.-б. Агаев, Г.-б. Меликов, Н. Нариманов, С.-М. Ганиев, Г.-б. Махмудбеков (ГИААР-АРТА. Ф. 45, Оп.1, Д. 35, л. 35).

³ **Соколинский Николай Алексеевич (1841-1897)** – русский журналист, общественный деятель и просветитель. В 1883–1889 гг. главный редактор «Каспия». Под его руководством газета стала популярной, увеличила свой формат и приобрела известность в культурно-общественных кругах.

⁴ **Александра Федоровна (1872-1918)** – российская императрица, супруга Николая II и мать наследника трона Алексея Романова

⁵ **Гаджи Зейналабдин Тагиев (1823-1924)** – азербайджанский миллионер и меценат, действительный статский советник. Сыграл огромную роль в материальном и духовном возрождении азербайджанского народа в конце XIX – начала XX вв.

⁶ **Александра Невского собор** – православный собор в Баку, построенный в 1898 и являвшийся крупнейшим православным храмом на Южном Кавказе до его сноса большевиками в 1936 г.

⁷ **Садоводческая школа в Мардакяны** – специализированная сельскохозяйственная школа, основанная Г.З. Тагиевым в 1895 году в поселке Мардакяны, недалеко от Баку. Одновременно функционировало как двухклассное общеобразовательное учебное заведение.

⁸ **Бакинское Коммерческое Училище** - среднее учебное заведение в Баку. Открылось в 1901 году. Почетным попечителем в 1901-1918 гг. был Г.З.Тагиев. Азербайджанские меценаты – Г.З.Тагиев, Ш.Асадуллаев, М.Нагиев, инженер Ф.Везиров щедро финансировали деятельность училища. Среди выпускников БКУ был М.Э.Расулзаде.

⁹ **Старосельский Дмитрий Сергеевич (1832-1884)** - русский военный и государственный деятель, В 1872-1875 гг., будучи губернатором Баку, он открыл женскую гимназию, а также содействовал изданию двух газет - "Экинчи" и "Бакинские известия". Интересовался историей, культурой местных кавказских народов, поддерживал дружеские связи с Г.Зардаби, М.Ф.Ахундзаде, С 1876 г. -директор департамента Главного управления кавказского наместничества.

¹⁰ **Умар ибн аль-Хаттаб аль-Фаруг (585-644)** - второй Праведный халиф (634-644), выдающийся государственный деятель, близкий сподвижник пророка Мухаммеда.

¹¹ **Мирза Фатали Ахундов (Ахундзаде, 1812–1878)** – основоположник азербайджанской драматургии, поэт, писатель, критик и философ. Выступал как последовательный реформатор арабского алфавита. В 1903 г. был отмечен 50-летний юбилей первого издания его комедий.

¹² **Тагиевский театр** – первый театр Баку. Находился на месте нынешнего театра Музыкальной комедии. Был построен в 1883 г. на средства Г.З. Тагиева. В 1893 г. здание было отстроено опять-таки на средства Г.З. Тагиева.

¹³ **Жан Батист Мольер (1622–1673)** – комедиограф Франции, создатель классической комедии.

¹⁴ **Молла Панах Вагиф (1717–1797)** – азербайджанский поэт, визирь Карабахского ханства. Обновление азербайджанской поэзии, упрощение языка и формы связаны с именем и творчеством Вагифа. Оказал огромное влияние на дальнейшее развитие азербайджанской народной поэзии.

¹⁵ **Гасым бек Закир (1784–1857)** – азербайджанский поэт. Автор лирических и сатирических произведений. Выступал против русского и армянского засилия в родном Карабахе.

¹⁶ **Молла Вели Видади (1707–1808)** – азербайджанский поэт, современник и близкий друг М.П. Вагифа. Яркий представитель народности в национальной литературе.

¹⁷ **Берже Адольф Петрович (1818–1886)** – востоковед, сотрудник Кавказской археологической комиссии и издатель ее Актов. С помощью

М.Ф. Ахундова собрал и издал в 1867 г. в Лейпциге произведения азербайджанских поэтов.

¹⁸ **Мирза Юсиф Гарабаги-Нерсесов (1798-1864)** – армянский летописец XIX в. Собрал и издал в 1856 г. в Темир-Хан-Шуре произведения Вагифа и других азербайджанских авторов.

¹⁹ **Низами Гянджеви (1141–1209)** – азербайджанский поэт, мыслитель. Автор знаменитой «Пятерицы» – «Хамсе».

²⁰ **Рашид бек Ахундов (1856–1927)** – сын М.Ф. Ахундова, инженер и общественный деятель. Учился в Бельгии. Занимался переводом образцов европейской литературы с французского на азербайджанский, а также старался пропагандировать творчество своего отца в Бельгии.

²¹ **Мирза Шафи Вазех (1792–1852)** – азербайджанский поэт. Писал на азербайджанском и персидском языках. Многие его стихотворения заимствованы немецким востоковедом и переводчиком Ф. Боденштедтом (1819–1892).

²² **Розен Григорий Владимирович (1782–1841)** – барон, русский военачальник эпохи наполеоновских войн. Генерал-адъютант и генерал от инфантерии. В 1831–1837 гг. командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью Кавказа.

²³ **Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837)** – русский поэт, писатель, литературный критик. А.М.Топчибашев написал блестящую статью по поводу его столетия в 1899 г.

²⁴ **Парнас** – священная гора в Греции. На протяжении более чем двух тысячелетий упоминается в культуре как символическое местообитание поэтов и вообще деятелей культуры

²⁵ **Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797–1837)** – русский писатель, публицист, критик, участник декабристского движения, автор ряда произведений на азербайджанскую тематику.

²⁶ **Сефевиды** – тюркская династия, правившая Персией в 1501–1737 гг. Основателем династии является поэт и полководец Шах Исмаил Хатаи (1486–1524).

²⁷ **Музаффар-Эддин шах (1853–1907)** – шах Ирана в 1896-1907 гг. Сын Насреддин шаха. В годы его правления в Иране началось движение Машруте, была принята первая иранская конституция.

²⁸ **Воронцов Михаил Сергеевич (1782–1856)** – российский государственный деятель, князь, генерал-фельдмаршал. Герой войны 1812 г. В 1844–1854 гг. наместник Кавказа. Основал Тифлисский театр (1850). По его инициативе издана первая книга М.Ф.Ахундзаде (1853)

²⁹ **Мирза Джафар Гараджадаги** – персидский литературовед и переводчик азербайджанского происхождения. Перевёл комедии М.Ф. Ахундзаде на персидский язык. Его переводы, изданные в 1874 году в Тегеране, сыграли большую роль в популяризации наследия автора в Западной Европе.

³⁰ **Джелаледдин Мирза (1836–1870)** – просвещенный персидский принц из династии Каджаров. 58-ой сын Фатали шаха. Автор исторического произведения «Намеи-Хосрован». Сторонник модернизации общественной жизни Ирана. Состоял в переписке с М.Ф.Ахундзаде

³¹ **Хаггард В. (Haggard William Henri Doveton, 1846–1926)** – британский востоковед, специалист по Ирану. Автор исследований и переводов из классической персидской литературы.

³² **Лестранже Г. (Guy Le Strange, 1854–1933)** – британский востоковед, специалист по арабской и персидской литературе. Автор трудов по исторической географии Ближнего Востока.

³³ **Барбие де Мейнар (Barbue de Meynard Charles, 1826–1908)** – французский востоковед, переводчик пьес М.Ф. Ахундова на французский язык, автор статей об азербайджанской литературе. Исследовал истории возникновения ислама и Халифата.

³⁴ «**Journal Asiatique**» – полное название: “Journal Asiatique ou Recueil de Memoires, d’Extraits et de Notices relatifs a l’Histoire, a la Philosophie, aux Langues et a la Litterature des Peuples Orientaux) востоковедческий журнал Франции. Орган французского Азиатского общества (Societe Asiatique) в Париже. Издаётся с 1812 г. по сей день. На страницах журнала опубликованы многочисленные материалы, посвященные истории, языку и литературе Азербайджана.

³⁵ **Cilliere Alfonse (Cillere Alphonse, 1861–1946)** – французский дипломат и ориенталист. Сотрудник министерства иностранных дел Франции. Будучи генеральным консулом Франции в Трабзоне, издал проармянскую книгу «Massacres d’Armenians» («Геноцид армян»).

³⁶ **Вармунд Adolf (Warmund Adolph, 1827–1909)** – немецкий ученый, крупный специалист по ближневосточным языкам. С 1885 г. директор венского института живых восточных языков

³⁷ **Allgemeine Zeitung (точнее Deutsche Allgemeine Zeitung)** – немецкая общественно-политическая газета правого толка. Издавалась в Берлине в 1861–1945 гг.

³⁸ **Zarncke Literarisches Zentralblatt für Deutschland** – немецкий литературно-художественный альманах. Издавался в Лейпциге в 1852–1944 гг.

³⁹ **Фиридун бек Кочарли (1863–1920)** – азербайджанский литературовед, историк литературы, педагог и общественный деятель. Автор первой многотомной истории национальной литературы. Основатель и первый директор Казахской учительской семинарии (1918).

⁴⁰ **Горийская учительская семинария** – закавказская учительская семинария, специальное учебное заведение для подготовки педагогов для народов Южного Кавказа. Действовала в г. Гори в 1876–1917 гг. В 1879 г. было открыто татарское (азербайджанское) отделение семинарии.

⁴¹ **Толстой Лев Николаевич (1828–1910)** – граф, один из наиболее известных русских писателей и мыслителей, один из величайших романистов мира, общественный деятель, моралист.

⁴² **Артур Шопенгауер (1788–1860)** – немецкий философ. Один из самых известных мыслителей иррационализма, изучал также мистики и философские идеи Востока.

⁴³ «Вестник Кавказа» - литературно-художественный журнал. Издавался в начале XX в. в Тифлисе.

⁴⁴ **Ашуг Пери (1811–1837)** – азербайджанская поэтесса. Автор лирических стихотворений. Несмотря на молодость, пользовалась авторитетом и популярностью среди современников.

⁴⁵ **Абулгасим Набати (1812–1873)** – азербайджанский поэт. Родом из Южного Азербайджана. Творчество Набати проникнуто суфизмом и богато фольклорными мотивами.

⁴⁶ **Гасан бек Меликов – Зардаби (1842–1907)** – азербайджанский просветитель, публицист, основоположник национальной прессы и театра, женского образования. В 1875–1877 гг. издал первую азербайджанскую газету «Экинчи» («Пахарь»). В последние годы жизни работал в редакции газеты «Каспий», гласный Бакинской думы. Тесть А.М. Топчибашева.

⁴⁷ **Ахмед бек Агаев (1869–1939)** – азербайджанский публицист, политический и общественный деятель. Получил высшее образование в Сорбонне. Гласный Бакинской думы, один из активных сотрудников «Каспия», редактор газет «Гейт» и «Иршад». В 1908 г. эмигрировал из Азербайджана в Турцию, где стал депутатом Парламента Османской империи (1912–1918) и ВНСТ Турецкой Республики (1923–1931), был одним из ближайших сподвижников Ататюрка.

⁴⁸ **Наджаф бек Везиров (1854–1926)** – азербайджанский драматург, публицист и общественный деятель. Автор первой трагедии в национальной драматургии. Наряду с Г. Зардаби является одним из основоположников азербайджанского профессионального театра.

⁴⁹ **Абдуррагим бек Ахвердиев (1870–1933)** – азербайджанский писатель, драматург, публицист, общественный деятель, дипломат. Был депутатом первой Государственной думы.

⁵⁰ **Султан Меджид Ганизаде (1866–1937)** – азербайджанский писатель, переводчик, журналист, составитель учебников и словарей.

⁵¹ **«Гарджиман» (Переводчик)** – крымско-татарская общественно-политическая газета. Выходила в 1883–1918 гг. в Бахчисарае. Основатель И. Гаспринский. Газета широко освещала общественную и культурную жизнь Азербайджана.

⁵² **Исмаил бек Гаспринский (Гаспыралы, 1851–1914)** – крымско-татарский просветитель и общественный деятель. Основатель газеты «Гарджиман».

⁵³ **Умму Гюльсум ханым Шейх-Алиева** – супруга русского генерала А.Д. Шейх-Алиева, руководила работой Петербургского мусульманского женского благотворительного общества

⁵⁴ **Семья Муфтизаде** – влиятельный и аристократический род среди крымских татар. Семья берет свое начало от Муфти Мусаллаф Эфенди –религиозного лидера времен присоединения Крымского полуострова к Российской империи.

⁵⁵ **Акчурины** - татарский княжеско-мурзинский род. Происходит от знатного татарина Акчуры Адашева, пожалованного князем в 1509 г.

⁵⁶ **Дебердеевы** - старейший татарский купеческий род. В XVIII-XIX вв. представители рода Дебердеевых жили в основном в Пензенской оиласти.

⁵⁷ **Зогра ханым Гаспринская (1864-1903)** - супруга И.Гаспринского. Девичья фамилия была Акчуриной. Занималась педагогической деятельностью, а также поддерживала мужа в издании и распространении газеты "Гарджуман".

⁵⁸ **Пембе ханым Полатукова (Гаспринская)** - родная сестра И. Гаспринского. С 1893 года работала как педагог в новометодных женских школах в разных уголках Крыма.

⁵⁹ **Ханифа ханым Меликова (1856-1928)** - супруга и соратница Г.Зардаби. Заведовала первой русско-мусульманской школой (1901-1905), в дореволюционное и советское время в области народного просвещения. Занималась также благотворительной деятельностью.

⁶⁰ **Мерьем ханым Сулькевич (1861-?)** – литовская татарка. С 1890-х годов жила в Баку. Педагог. Помощница (заместитель) Х.Меликовой в русско-мусульманской женской школе. Руководила работой ряда женских учебных заведений в дореволюционном Баку.

⁶¹ **Шефика ханым Шейхзаде-Эфендизаде (1882-1959)** – активистка женского образования, педагог, журналист и писатель. Более полувек занималась педагогической деятельностью.

⁶² **Сара ханым Ахундова** – педагог, в начале XX столетия работала в русско-мусульманской школе Г.З.Тагиева и в других женских учебных заведениях Баку.

⁶³ **Рахилия ханым Терегулова (1885-1938)** – педагог, в 1902-1907 гг. преподавала русский язык и литературу в школе для девочек Тагиева, 1908-1914 гг. руководила III женской школой. Была председателем Бакинского женского Благотворительного общества.

⁶⁴ **Сона ханым Тагиева (1881-1932)** – супруга, сподвижница и большой друг мецената Г.З.Тагиева. Была председателем попечительского совета русско-мусульманской женской школы, а также училища Святой Нины, много занималась благотворительностью.

⁶⁵ Отцом Соны ханым Тагиевой был знатный дворянин, генерал-лейтенант русской армии Балакиши бек Араблинский (1828-1902)

⁶⁶ **Княгиня Фатима Девлеткельдеева** - представительница известного татарского княжеского рода Девлеткельдовых, пионер женского образования на Поволжье. Преподавала в женской русско-татарской школе Хадиджы Ахмеровой в Казани.

⁶⁷ **Амина ханым Фаизханова (1859-?)** – дочь татарского просветителя, лектора Казанского университета Гусейна Фаизханова (1823-1866). Детство прошло в семье сына проф. Мирза Казем-Бека, сенатора Л.А.Казем-Бека. Принимала активное участие в мусульманском женском движении, занималась благотворительностью и педагогической деятельностью.

⁶⁸ **Шейх Галимджан Баруди (1857-1921)** – татарский богослав и просветитель конца XIX –начала XX вв. Основатель одного из лучших мусульманских учебных заведений России своего времени -медресе «Мухаммедийе», один из лидеров «Мусульманского союза»-он внес огромный вклад в возрождение религиозного и национального самосознания татарского народа.

⁶⁹ **Халимаелбанат Бектемирова (1876-1906)** – директриса русско-татарской женской школы в городе Касимов (ныне Татарстан). Вошла в историю татарской литературы начала XX века также как своеобразная поэтесса и писательница.

⁷⁰ **Биби Разия Кутлуярова-Сулейманова (? – 1923)** – казанская татарка, первая мусульманская женщина с высшим медицинским обра-

зованием. Врач. Активно участвовала в Российском женском движении с конца XIX века.

⁷¹ **Накашидзе Михаил Александрович (1844-1905)** – российский государственный деятель, князь. В 1904-1905 гг. генерал-губернатор Баку. Убит армянским террористом-дашнаком Дро якобы за проазербайджанскую позицию в межнациональной стычке в Баку.

⁷² **Мир Мамед Керим Ахунд Мирджафарзаде (1855-1938)** – религиозный деятель, первый переводчик и толкователь Священного Корана на азербайджанский язык. Переводил также арабские исторические романы. 1904-1920 гг. был бакинским газием. Несмотря на преклонный возраст, в годы «большого террора» был расстрелян как враг народа.

⁷³ **Мечеть Касим бека** – соборная мечеть в Баку. Построена в 1892-1896 гг. азербайджанским зодчим Мешеди Мирза Кафар Измаиловым на средства богатого купца Касим бека.

⁷⁴ **Его Величество Шах Персидский** – имеется в виду персидский монарх Музаффараддин шах (1853-1907), который по пути в Европу в 1903 году остановился в Баку на несколько дней.

⁷⁵ **Гянджа** была захвачена войсками генерала Цицианова 3 января 1804 г. после осады. В бою против русских погиб гянджинский правитель Джавад хан и его сын Гусейнгулу хан.

⁷⁶ **Елизавета Алексеевна (1779–1826)** – русская императрица. После захвата русскими войсками, город Гянджа был переименован в ее честь в Елизаветполь в 1804 г.

⁷⁷ **Луцау Николай Александрович (1853 -?)** - русский военный, генерал-майор, в 1900-1903 гг. исполнял обязанности губернатора Елизаветпольской (Гянджинской) губернии, в 1904 году был назначен на этот пост. Пышно отпраздновал 100 летия захвата города русскими.

⁷⁸ **Эзоп** – полулегендарный персонаж древнегреческой литературы, баснописец, живший в VI в. до н. э. Основоположник жанра и создатель т.н. "эзопова языка".

⁷⁹ **Сцилла и Харибда** – морские чудовища из греческой мифологии. Харибда в древнегреческом эпосе – олицетворенное представление всепоглощающей морской пучины.

⁸⁰ **Шейхульислам Ахунд Абдуссалам Ахундаде (1843–1907)** – крупный мусульманский теолог. Автор религиозных сочинений. В 1895-1907 гг. шейхульислам Закавказья.

⁸¹ **Муфти Гусейн Эфэнди Гаибов (1830–1917)** – прогрессивный религиозный деятель, в 1883–1917 гг. муфтий Кавказа, автор многочисленных книг и статей по религиозной тематике, а также учебников и многогранной антологии азербайджанской литературы.

⁸² **Фрезе А.А. (1840–1918)** – русский государственный деятель, генерал от инфантерии, член Государственного Совета Российской империи.

⁸³ **Наследник Цесаревич** - имеется в виду единственный сын Николая II, будущий претендент российского трона Алексей Романов (1904-1918), расстрелянный большевиками.

⁸⁴ **Малама Яков Дмитриевич (1841-1912)** - русский военный деятель, генерал от кавалерии. В 1904-1905 - командующий войсками кавказского военного округа. В 1905-1906 гг. помощник по военной части наместника кавказского.

⁸⁵ **«Шярки-Рус» («Русский Восток»)** – общественно-политическая и экономическая газета. Первый печатный орган на азербайджанском языке в XX в. Издавалась в 1903–1905 гг. в Тифлисе под редакцией журналиста и общественного деятеля М. Шахтагинского.

⁸⁶ **Мухаммед ага Шахтагинский (1846–1931)** – азербайджанский журналист, востоковед, педагог, общественный деятель, депутат Государственной Думы.

⁸⁷ **«Экинчи»** – первая азербайджанская газета. Выходила раз в две недели в маленьком формате. Издавалась в 1875–1877 гг. в Баку под редакцией Г. Зардаби.

⁸⁸ **«Зия»** – азербайджанская газета. Издавалась С. Унсизаде в 1879–1884 гг. в Тифлисе.

⁸⁹ **«Кешкюль»** – азербайджанский литературно-художественный журнал. Выходил под редакцией Дж. Унсизаде в 1883–1891 гг. в Тифлисе.

⁹⁰ **Унсизаде** – братья Саид, Камал и Джалал Унсизаде, в 80-90-х годах XIX в. занимались издательской деятельностью в Тифлисе.

⁹¹ **Черняевский Александр Осипович (1840–1894)** – русский и азербайджанский педагог, организатор и первый инспектор азербайджанского отделения Закавказской учительской семинарии в Гори. Автор учебника «Ветен дили» (1888) вместе с С. Велибековым.

⁹² **Манифест 17 октября** - Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка. Являлся законодательным актом верховной власти Российской империи.

⁹³ **Манифест 18 февраля** – Высочайший Манифест от 18 февраля 1905 г. о призыве властей к населению о содействии самодержавной власти

в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы в противодействии смуте внутренней. Подписан Николаем Вторым.

⁹⁴ **Третий Мусульманский съезд** – состоялся 16-21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде. В работе съезда участвовало до 500 человек делегатов и еще до 300 человек, «не облаченных полномочиями». Председателем президиума был А. М. Топчибашев.

⁹⁵ **Общекавказский съезд учителей** – состоялся в августе 1906 года в Баку с участием педагогов-азербайджанцев из всего Южного Кавказа. На повестке дня стояли вопросы преподавания родного языка, издания современных школьных учебников и т.д.

⁹⁶ **Персидский парламент** – первый законодательный орган монархической Персии. В результате Конституционной революции 1905-1911 гг. Музаффереддин шах был вынужден принять конституцию в октябре 1906 года и создать парламент (маджлис).

⁹⁷ **Младотурки** – политическое движение в Османской империи, которое, начиная с 1876 года, пыталось провести либеральные реформы и создать конституционное государственное устройство

⁹⁸ **Насреддин шах Каджар (1831-1896)** – шах Персии из тюркской династии Каджаров в 1848-1896 гг. Убит в результате заговора на 48 году деспотического правления своей страной.

⁹⁹ **"Temps" (точнее "Le Temps")** – либерального направления швейцарская газета на французском языке. Издается с 1826 г. в Лозанне.

¹⁰⁰ **"Мектеб", "Полезное развлечение"** – кратковременные периодические издания Исмаил бека Гаспринского, изданные им типографическим способом в Тифлисе в 1880-х годах

¹⁰¹ **«Московские ведомости»** - русская газета правого толка. Издавалась в Москве в 1765–1917 гг.

¹⁰² **"Новое время"** - русская газета. Издавалась в 1868-1917 гг. в Петербурге. В русском либеральном обществе существовала репутация "Нового времени" как беспринципной и реакционной газеты. Была закрыта на другой день после октябрьского переворота.

¹⁰³ **Смирнов Василий Дмитриевич (1846-1922)** – русский востоковед-иранист и тюрколог. Автор исследований об исламе. В его научном подходе к мусульманскому населению Российской империи преобладали великодержавность и шовинизм.

¹⁰⁴ **Череванский Владимир Павлович (1836-1914)** - российский государственный деятель, тайный советник, член Государственного совета. С октября 1905 г. по декабрь 1906 г. входил в состав Особого совещания для разработки необходимых законопроектов.

Оглавление

Виляят Гулиев. Газета, открывшая дорогу к Республике ...	3
От редакции	16
По поводу открытия в Баку женского русско- мусульманского училища.....	23
Первый татарский драматург (Памяти М.Ф.Ахундова)....	39
Литература азербайджанских татар (О книге Ф.б. Кочарлинского)	48
Самодеятельность мусульманки.....	53
Новый бакинский казий	58
Кавказские картины	61
Мусульманская духовная семинария	66
Газета на татарском языке в Баку.....	70
Мусульмане в освободительном движении	75
Эра возрождения мусульман.....	80
Новые жертвы.....	85
К положению кавказских мусульман.....	88
К персидской конституции	94
Памяти Исмаил бека Гаспринского	100
Примечания	106

Для заметки

Для заметки

Алимардан бек Топчибашев

Избранное из «Каспия»

Директор издательства: *Эльман Гасымов*
Дизайнер: *Матанат Бабаева*
Корректор: *Эльсевяр Мурадов*

Подписано к печати 28.03.2018. Формат 60x84 1/16.
Объем 7,5 п.л. Заказ № 17. Тираж 500

Отпечатано в «Zerdabi LTD» MMC

☎ раб.: (012) 514-73-73,

Моб.: (050, 055) 344 76 01

e-mail: zerdabi_em@mail.ru